

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

НЕСЧАСТЬЯ НА ГОЛОВУ ИЛИ Я ТЕБЯ НАГАДАЛА...

Екатерина Мордвинцева

**33 несчастья на голову,
или Я тебя нагадала...**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

33 несчастья на голову, или Я тебя нагадала... /

Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Представьте: вы — ходячая катастрофа в платье. Он — идеальный аристократ, который по долгу службы вынужден эту катастрофу сопровождать. Теперь добавьте магический мир, пару десятков неприятностей (которые я притягиваю, как магнит) и долгую-долгую дорогу. Рецепт идеального романа? Или рецепт того, как свести с ума самого терпеливого мужчину во всех королевствах? Готовлюсь узнать это на собственном опыте. Пожелайте мне удачи. Или ему. Он нуждается в ней больше. Книга участвует в литмобе Ночь перед Рождеством

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	32
Глава 15	35
Глава 16	38
Глава 17	41
Глава 18	44
Глава 19	47
Глава 20	50
Глава 21	53
Глава 22	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Утро нового дня для Александры Вороновой началось с того, что она опоздала на работу на тридцать три минуты. Ровно. Потому что, во-первых, сломалась молния на любимых зимних ботинках, и пришлось обуваться в старые, которые натирали пятку. Во-вторых, пока она героически сражалась с молнией, закипел чайник, и его истошный свист разбудил соседа сверху, который в ответ начал лупить по батарее. А в-третьих, выбежав на улицу, она обнаружила, что её машина (подержанная, но любимая «ласточка») щедро украшена узорным инеем не только снаружи, но и изнутри, на стёклах. Видимо, забытая с вечера бутылка воды решила устроить ледяной взрыв.

Алекс прислонилась лбом к ледяному стеклу.

— Тридцать три, — прошептала она в облачко пара. — Тридцать третье мелкое несчастье за месяц. Будет тебе, Воронова, статистика.

Дорога до офиса стала продолжением утреннего квеста. Навигатор, обычно беспрекословный, вдруг закапризничал и повел ее по объездной, где был ремонт теплотрассы и стояла бесконечная пробка. Алекс отчаянно стучала пальцами по рулю, представляя, как цифры в таблице учета опозданий растут, как дрожжевое тесто. Ей пришлось парковаться в трех кварталах от офиса, пробираясь по тротуару, который дворники чистили с явным презрением к спешащим людям. Она чуть не поскользнулась на ледяной корке, ловко, но некрасиво взмахнув руками, как пингвин, пытающийся взлететь. В этот момент мимо нее прошла девушка в идеальном кашемировом пальто и на безупречных каблуках, не скользившая, а будто плывущая над сугробами. «Наверное, пишет про вечность и сияние с первого раза», — мрачно подумала Алекс, чувствуя, как натирает старый ботинок.

Она работала копирайтером в небольшом агентстве «Веб-Сокол». Ирония названия не ускользала от неё: она, Воронова, в «Соколе». Как серая ворона среди ястребов. Её стол был островком творческого, но слегка отчаянного хаоса среди минималистичных, стерильных пространств коллег. Сегодня ей нужно было дописать текст для сайта элитной сети ювелирных бутиков. Ключевые сообщения: «вечность», «безупречность», «сияние». Алекс смотрела на свой потёртый свитер с оленем, на котором она фломастером дорисовала красные глаза, чтобы он выглядел «бодрее», и горько усмехалась.

— Вечность в виде очередного дедлайна, безупречность моей способности всё ронять, и сияние экрана монитора в четыре утра, — пробормотала она, запуская документ.

Но прежде чем погрузиться в «глубины души мастера», пришлось разбираться с очередной мелкой диверсией реальности. Её любимая синяя кружка, та самая, с надписью «Не говори со мной, пока я не выпью свой кофе», встретила ее пустотой. Кто-то из уборщиц или коллег ополоснул ее и поставил мокрой в шкафчик. От сырости отклеилась ровно половина драгоценной надписи. Теперь там гордо красовалось: «...говори со мной». Алекс фыркнула, вытерла кружку, но настроение было безнадежно испорчено. Заваривать чай пришлось в унылом прозрачном стакане из кулера.

Работа шла туго. Слова вязли, как в холодной каше. Мысли путались. В голове вместо «бесценного наследия мастеров» вертелась мысль о том, что нужно не забыть купить сливок для торта, который она обещала испечь к вечеру. И что гирлянда в гостиной опять перегорела. И что чувство лёгкого, но постоянного недоумения перед собственной жизнью стало её базовым состоянием.

Примерно через час после начала работы к ее столу подкатился на стуле Олег, арт-директор. Он пахнул дорогим кофе и уверенностью.

— Воронова, по проекту «Грани» клиент просит добавить больше воздушности. И меньше пафоса. Но чтобы при этом чувствовался вес традиций. Уловила?

Алекс посмотрела на свой текст, где было «сакральная геометрия линий» и «кристаллизация времени в совершенной форме».

— То есть, чтобы было и воздушно, и веско одновременно? Как пушинка из чистого платины? — съехидничала она.

Олег щелкнул пальцами.

— Вот! Именно! Пушинка из платины. Гениально. Внедряй. И, кстати, по статистике посещений, юзеры не дочитывают тексты длиннее трех абзацев. Сделай короче, но содержательнее. Жду к четырем.

Глава 2

После его ухода Алекс тихо стукнулась лбом о клавиатуру, напечатав бессмысленную строку из букв «ы» и «г».

В обеденный перерыв Лера, её коллега и подруга с университета, заглянула через перегородку.

— Ты похожа на мокрого цыплёнка, которого только что выдернули из сугроба. Всё ещё не отошла от утреннего ледникового периода?

— Я начинаю подозревать, что моя жизнь — это квест на выживание, где каждая задача генерируется случайным генератором неприятностей, — вздохнула Алекс, отпивая холодный кофе.

— Не говори. Мой генератор сегодня выдал «залитый сладким латте макбук». Клавиатура теперь липкая, как воспоминания о бывшем, — сочувственно сказала Лера. — Но слушай, ты не видела мой красный флеш-накопитель? Кажется, я вчера оставила его у тебя.

Вспомнив, что действительно брала его, чтобы скинуть документ, Алекс потянулась к сумке. И тут ее сердце упало. Вместе с кошельком, ключами и пачкой салфеток на стол с глухим стуком выпал и тот самый накопитель. И упал он прямо в ту самую злополучную кружку с остатками холодного чая.

— О нет... — простонала Алекс, доставая мокрый металлический брелок.

— Ничего страшного, — махнула рукой Лера, но ее лицо выразило легкую досаду. — Дай высохнуть. Надеюсь, файлы живы. А если нет... Что ж, это знак, что проект надо начинать с чистого листа.

Этот инцидент окончательно утвердил Алекс в мысли, что она — магнит для мелких катастроф.

— Прекрати! Сегодня же Рождество! Магия, гадания, принцы на белых... хм, на внедорожниках, потому что снегопады. Встречаемся у меня в восемь. Света уже закупила пол эзотерического отдела. Готовься увидеть судьбу в кофейной гуще, в воске и, кажется, в полёте пельменя над кастрюлей.

Алекс засмеялась, и это было как глоток горячего глинтвейна — согрело изнутри.

— Пельмени — это святое. Но если я увижу в них суженого, значит, я окончательно сошла с ума от стресса.

— А что, отличный кандидат, — не унималась Лера. — Круглый, сытный, надежный. И в трудную минуту станет ужином. Идеал!

После обеда Алекс с новыми силами (которые свелись к одной чашке крепкого чая) взялась переделывать текст. Она выкинула «сакральную геометрию», заменила «кристаллизацию времени» на «отсвет вечности», и вдруг, в самом конце, когда мозг уже отказывался работать, родилась фраза, которая ей самой показалась не фальшивой: «Украшение — это не просто драгоценность. Это место, куда можно спрятать счастливую секунду, чтобы она сверкала для вас вечно». Она уставилась на экран. Это было неплохо. Почти искренне. Возможно, даже хорошо.

Остаток дня прошёл в попытках поймать ускользающее вдохновение. Она трижды переписывала абзац про огранку, параллельно отвечая в чате клиенту, который спрашивал, почему на лендинге алмаз сияет «слишком синетелевизионно». И всё же, когда она поставила последнюю точку и отправила текст арт-директору, лёгкое чувство выполненного долга потеплело в груди. Маленькая победа над хаосом.

Победа длилась ровно семь минут. Пришел ответ от Олега: «Круто! Особенно последняя фраза. Но клиент только что прислал правку по ТЗ. Ключевое сообщение «сияние» заменяем на «тепло». Переделай, пожалуйста, с этим акцентом. К утру».

Алекс медленно выдохнула. Она посмотрела на часы, на темное за окном небо, на свой свитер с оленем-оборотнем. «Тепло», — подумала она. О каком тепле может писать человек, у которого замерзли не только стекла автомобиля, но, кажется, и часть души?

Она потянулась к телефону, чтобы написать Лере, что, возможно, опоздает. И тут ее палец соскользнул, и телефон упал на пол, с тихим, но красноречивым щелчком. Экран не потух, но по нему, от верхнего левого угла к нижнему правому, побежала тонкая, как паутинка, трещина. Тридцать четвертое несчастье.

Алекс подняла телефон, провела пальцем по трещине. Судьба, начертанная в стекле. Гадание на смартфоне. Возможно, это и был самый честный знак на сегодня.

— Ладно, — тихо сказала она самой себе. — Раз тепло, значит, будет и глинтвейн. И пельмени. И друзья.

И она снова открыла документ, готовясь сражаться за «тепло» в мире, который сегодня был к ней особенно холоден.

Глава 3

Вечером в квартире Леры пахло раем. Мандарины, имбирь, корица из настоящего глинтвейна, который булькал на плите, и сладковатый дымок от догорающей восковой свечи в форме ёлки. Гитарные переборы акустического рождественского альбома создавали фон, поверх которого наслаивались голоса, смех, звон бокалов.

Квартира Леры была убежищем от минимализма и безупречности офисного мира. Книги лежали стопками на полу, пледы висели на спинках кресел, а на подоконнике в стеклянных банках проросли авокадо и лук. Это было место, где можно было дышать полной грудью, не боясь нарушить стерильный порядок. И сегодня, в канун Рождества, оно было особенно волшебным: гирлянды обвивали карнизы, на столе в миске дымились только что слепленные пельмени, а запах праздника был почти осязаем.

Алекс, скинув натирающие ботинки, утонула в огромном пледе на диване. Она наблюдала, как Лера и Света спорят о правильной последовательности гаданий. Света, с её серьёзностью учёного, попавшего в мир магии, расставляла предметы на низком столике с видом жрицы, готовящей алтарь. Карты в чёрном шёлковом мешочке, старинная книга с пожелтевшими страницами, блюдце с тонким золотым ободком, свечи разных цветов.

— Всё должно быть по канону, — наставляла Света, поправляя очки. — Энергетические потоки очень чувствительны. Нельзя просто так, между делом, спрашивать судьбу о вещах вечных. Нужен настрой, фокус.

— Главный энергетический поток сегодня — это поток глинтвейна, — парировала Лера, наливая густой ароматный напиток в три огромные кружки. — Он согревает душу и размягчает восприятие. Идеальные условия для контакта с тонкими материями. Но ладно, я в твоей власти. Только если я увижу в картах пикового короля, я обижусь. Мне только валета или, на худой конец, туза червей.

Алекс молча принимала кружку. Тепло разливалось по ладоням, проникало в пальцы, снимая остатки дневного напряжения. Она сделала глоток — сладкий, пряный, с лёгким укусом алкоголя. Он струйкой тепла спустился внутрь, растворяя ледяной комок, оставшийся от дня. Она чувствовала себя здесь в безопасности. В этом маленьком мирке дружбы, глупостей и тепла. Здесь её вечное невезение превращалось в смешные истории, а не в повод для раздражения. Здесь её «статистика мелких несчастий» становилась не проклятием, а эксцентричной чертой характера, над которой можно смеяться до слёз.

Они болтали, вспоминали университетские проделки, делились планами на следующий год, который казался таким чистым и полным возможностей, как нетронутый снег за окном. Алекс рассказывала про треснувший экран телефона и про «тепло вместо сияния», и дружное сочувствие подруг было лучшей мазью. Она ловила себя на мысли, что это чувство — быть принятой и понятой — самое ценное сокровище, которое у неё есть. И на его фоне все неурядицы блекли.

— Так, традиция есть традиция! — провозгласила Лера, когда часы показывали без пятнадцати полночь. — Гадания на Рождество — святое. Особенно для тебя, Алекс. Может, наконец-то вселенные дадут тебе подсказку, где искать того, кто оценит твой уникальный талант превращать жизнь в комедийный сериал?

— Оценит и застрахует, — добавила Алекс с усмешкой, но внутри что-то дрогнуло. — От меня самой. Но ладно, я в деле. Только без воска, а то в прошлый раз я отлила фигуру такой причудливой формы, что мы три дня гадали, то ли это лошадь, то ли мой разбитый телефон.

— Решено, без воска, — согласилась Света. — В прошлый раз мы ещё и половину ковра отмывали. Но у меня есть кое-что получше карт. Карты — они безличные. А нам нужно что-то глубоко личное.

Она встала и направилась к старому резному комоду, который служил ей и тумбочкой, и хранилищем для эзотерических диковинок. Лера и Алекс переглянулись. Когда Света говорила таким тоном — низким, заговорщицким, — это всегда предвещало что-то запоминающееся.

Света в этот момент с торжественным видом вынула из нижнего ящика комода, который заперла на маленький ключик что-то, завернутое в чёрный бархат.

— Воск — это для дилетантов. Я приготовила нечто особенное. Настоящее. Я не решалась показывать, но сегодня — правильный момент. Энергия ночи сильна.

Она медленно, с намёком на театральность, развернула ткань. Под ней лежало зеркало. Оно не было большим, примерно с лист А4, но оно будто весело в пространстве. Старая, резная рама из тёмного дерева, возможно, ореха, покрытая потёртой, местами облупившейся позолотой. Узоры были замысловатыми: переплетение виноградных лоз, бутонов каких-то незнакомых цветов и маленьких, словно спящих, лиц. При ближайшем рассмотрении эти лица были не просто орнаментом. У каждого был свой характер: одно было скорбным, другое — улыбающимся, третье — спящим с полуоткрытым ртом. Словно крошечные души, заточенные в дереве.

Но больше всего поражало стекло. Оно не было кристально чистым. Оно казалось слегка матовым, дымчатым, будто между двумя слоями стекла застыл древний туман. В уголках паутинкой расходились тончайшие, почти невидимые трещинки — не от удара, а от времени, как морщинки вокруг глаз. Оно не отражало ярко свет гирлянд и свечей; оно будто впитывало его, копя где-то в своей глубине, и отдавало обратно приглушённым, таинственным сиянием.

Глава 4

В комнате на мгновение воцарилась тишина. Даже гитарные переборы из колонки казались тише. Лера замерла с кружкой на полпути ко рту.

— Вау, — выдохнула Алекс, забыв про шутки. Она поставила кружку и присела на корточки перед столиком. — Откуда это? Это же антиквариат.

— На блошином рынке, у старичка с глазами, как два тлеющих уголька, — с удовольствием начала рассказ Света, опускаясь рядом. — Он сидел в самом углу, и у него не было почти ничего. Только это зеркало, да пара ржавых ключей. Сказал, что оно «видало виды» и помнит больше любовных историй, чем все библиотеки мира. И что оно ждёт «того, кто смотрит не на себя, а сквозь». Я не могла не купить. Далёкая-далёкая цена, почти смешная.

— А почему не показывала? — спросила Лера, наконец сделав глоток.

— Боялась, — честно призналась Света. — Оно особенное. Иногда, когда в комнате никого нет, краем глаза кажется, будто в нём что-то шевелится. Не отражение, а что-то за стеклом. Наверное, просто игра света и старого, неровного стекла. Но всё же.

Алекс невольно протянула руку. Кончики её пальцев коснулись резной рамы. Дерево было неожиданно тёплым, живым, а не холодным. Она словно ощутила слабую, едва уловимую вибрацию, словно прикоснулась к спящему существу. Она провела дальше, по стеклу. Оно было гладким, но не совсем твёрдым. Словно поверхность воды, лишь на мгновение задержанной в неподвижности. По спине пробежал лёгкий, но отчётливый холодок. Не страх. Предвкушение. И ещё что-то — смутное чувство узнавания, будто она уже видела это зеркало где-то в забытом сне.

— Оно живое, — прошептала она.

— Правила, — так же тихо, но очень чётко произнесла Света, зажигая толстую восковую свечу из тёмно-бордового воска и устанавливая её прямо перед зеркалом. Пламя заколебалось, вытянулось, и его отражение в матовой глубине стало похоже на далёкий одинокий огонёк в тумане. Она выключила основное освещение и гирлянды. Комната погрузилась в тень, освещённая лишь пламенем этой одной свечи и тусклым светом уличного фонаря из окна. Мир сжался до круга света вокруг столика. — В полночь. При одном источнике света — этой свече. Задаём вопрос о судьбе, о суженом. Вслух или про себя — неважно. Главное — искренность. И смотрим. Не на своё отражение. Это ловушка для эго. Смотри сквозь него. Вглубь. Расслабь взгляд, расфокусируй его. Кто первый увидит образ, знак — тому он и предназначен.

— Звучит как идеальный рецепт, чтобы вызвать привидение с тонким вкусом к рождественским угощениям, — попыталась пошутить Алекс, но голос прозвучал тише, чем она хотела, слегка дрогнув. Она опустилась на пол, скрестив ноги, прямо напротив таинственного стекла. Лера и Света сели по бокам, создавая полукруг. Шутки стихли. Осталось только тихое потрескивание свечи, далёкая музыка (Света убавила её до едва слышного фона) и собственное, чуть учащённое дыхание.

Алекс попыталась расслабиться. Она смотрела в матовую глубь, где колыхалось отражение пламени. Её собственный силуэт был лишь смутным тёмным пятном, без черт, без лица. «Сквозь» — напредила она себе. Она расфокусировала взгляд, позволила глазам смягчиться. Края зеркала расплылись. Виноградные лозы на раме словно зашевелились в танце теней. Маленькие лица будто приоткрыли глаза. В ушах зазвенела тишина.

«Вопрос, — подумала Алекс. — Нужно задать вопрос». Но какой? Глобальный «когда я встречу любовь всей жизни» казался пафосным и наивным. Она вздохнула и задала тот вопрос, который крутился у неё в голове весь день, с момента правки Олега. Она мысленно, шёпотом собственного сердца, бросила его в матовую гладь: «Где найти настоящее тепло? Не то, что пишут в рекламе. А то, которое согревает изнутри, когда всё идёт наперекосяк?»

Прошла минута. Другая. Лера слегка поёжилась. Света сидела неподвижно, как статуя. Алекс уже начала терять концентрацию, её мысли потихоньку возвращались к недописанному тексту, к треснувшему экрану... И вдруг она заметила, что отражение пламени в зеркале изменилось. Оно перестало быть просто светлым пятном. Оно вытянулось, стало похоже не на огонь, а на дверной проём. Арку, заполненную золотистым сиянием. И в глубине этого сияния, в самом центре зеркала, начало проявляться что-то тёмное. Контуры. Словно силуэт человека. Но не статичный. Он двигался. Медленно, едва уловимо, но двигался — будто кто-то шёл по ту сторону светящейся арки навстречу к ней.

Алекс замерла, не веря глазам. Она не видела лица, лишь тёмную фигуру в плаще (или это был просто сгусток теней?), приближающуюся к переднему плану. Она хотела сказать что-то подругам, но голос застрял в горле. Её взгляд был прикован. В этот момент свеча на столе резко качнулась, хотя в комнате не было сквозняка. Пламя затрепетало, и тени на стенах заплясали безумный танец. Отражение в зеркале исказилось, арка дрогнула, и в тот же миг Алекс ясно увидела — нет, не увидела, а почувствовала — на себе чей-то пристальный, изучающий взгляд. Не из комнаты. Из глубины зеркала. Взгляд, полный такого же изумления и вопроса, как и её собственный.

Она ахнула и резко откинулась назад, разрушая чары.

— Что? Что ты увидела? — в один голос выдохнули Лера и Света.

— Я... Мне показалось... — Алекс сглотнула, её сердце бешено колотилось. — Там... Кто-то есть...

В этот момент часы на кухне пробили полночь. Первый, гулкий удар. И в такт ему, зеркало в резной раме «вздохнуло». Это был не звук, а ощущение — лёгкое движение воздуха от его поверхности, запах старого дерева, воска и чего-то ещё, незнакомого, холодного, как воздух в давно заброшенной библиотеке. Стекло на миг прояснилось, стало почти прозрачным, и Алекс мельком увидела в нём не отражение комнаты с тремя испуганными женскими лицами, а какой-то другой интерьер — каменные стены, высокие своды, и ту самую светящуюся арку... А потом всё исчезло. Зеркало снова стало просто старым, матовым, дымчатым стеклом в резной раме.

Наступила полная тишина, нарушаемая только последними ударами боя часов.

— Ну что, — первой нарушила молчание Лера, и её голос звучал неестественно бодро. — Похоже, твой суженый живёт... э-э-э... в очень старомодном интерьере. С арочными проходами. Это стильно.

Но Света не шутила. Она смотрела на Алекс, а потом на зеркало, с лицом, выражавшим не страх, а почти благоговейный трепет.

— Ты не просто увидела знак, — тихо сказала она. — Ты «вошла» с ним в контакт. Я такого даже не ожидала. Алекс, что ты спросила?

Алекс, всё ещё чувствуя дрожь в коленях, посмотрела на свои руки, на тёплую кружку с глинтвейном. Её обычная, серая, слегка нелепая реальность столкнулась с чем-то необъяснимым. И вопрос о «тепле» уже звучал по-новому, обретая странный, тревожный оттенок.

— Я спросила где найти настоящее тепло, — прошептала она. И внезапно её пронзила мысль: а что, если то, что она увидела, было вовсе не ответом на её вопрос? А что, если это был встречный вопрос из той самой глубины?

Глава 5

Воздух на улице вонзился в лёгкие ледяными иглами после душного, напоенного запахами глнтвейна и тайны пространства квартиры Леры. Алекс шла к своей машине, засунув руки глубоко в карманы, но холод был не снаружи. Он сидел где-то под рёбрами, маленький, твёрдый осколок тревоги. Улицы, ещё час назад празднично подсвеченные, казались теперь пустынными и безжизненными. Даже снег хрустел под ногами как-то слишком громко, предательски нарушая звенящую в ушах тишину.

Как бы подруги не уговаривали ее остаться, но Алекса больше не могла там находиться.

Она завела машину («ласточка» фыркнула, но завелась с первого раза — редкая милость) и долго сидела, глядя на полоску оттаявшего на лобовом стекле света. В нём отражались огни фонарей, растянутые и размытые. «Всего лишь отражение, — пыталась убедить себя Алекс. — Старое стекло, игра света, усталость, глнтвейн. Психосоматика. Коллективная внушаемость.»

Но её пальцы помнили тёплую, почти пульсирующую древесину рамы. Глаза — тот невыносимо реальный миг, когда силуэт в глубине зеркала не просто был, а двигался. А её собственная спина до сих пор ощущала на себе призрачный вес того взгляда — изучающего, живого, исполненного немого вопроса.

Дорога домой промелькнула как сон. Она механически переключала передачи, сворачивала, парковалась, не замечая привычных ориентиров. Её мысли были там, в круге свечного света, лицом к лицу с матовой глубиной, которая вдруг перестала быть просто стеклом.

Квартира встретила её привычным хаосом и тишиной. Не выключенный с утра ночник в прихожей отбрасывал на стену жутковатую тень от вешалки, похожую на скрюченную фигуру. Алекс вздрогнула и резко щёлкнула выключателем, заливая пространство ярким, безжалостным светом люстры. Так лучше. Обыденнее.

Она скинула пальто, бросила сумку, включила телевизор. На каком-то канале шла запись старого рождественского концерта — весёлые лица, блёстки, залиvistый смех. Звук был слишком громким, слишком нарочито радостным. Он не заглушал внутренний шум, а лишь подчёркивал его. Алекс выключила телевизор. Тишина снова навалилась, но теперь она была густой, внимательной.

Она заварила ромашковый чай — «для успокоения нервов», как гласила этикетка. Пока чай заваривался, она бесцельно ходила из комнаты в комнату, подходя к окнам и глядя на тёмные окошки соседних домов. В одном горел свет — кто-то так же, как она, не спал в эту глухую ночь. «О чём он думает? — промелькнуло в голове. — О ненаписанном отчёте? О ссоре с любимым человеком? Или ему тоже привиделось что-то в старом зеркале?»

Чай не помог. Тревога не уходила, она лишь меняла форму: от острого испуга до тягучего, навязчивого беспокойства. Алекс ловила себя на том, что избегает смотреть в зеркало в прихожей. Её собственное отражение, ясное и чёткое, казалось теперь подозрительным. А что, если и в нём, за этой гладкой поверхностью... Нет. Чужь.

Она села за ноутбук, решив погрузиться в работу — лучший способ заглушить любые мысли. Но слова на экране плясали, не складываясь в смыслы. Вместо «теплоты драгоценностей» она машинально написала: «Согревает не блеск, а взгляд из глубины». И снова вздрогнула, стёрла фразу.

Время тянулось неестественно медленно. Каждая минута была наполнена навязчивым перебиранием деталей. Тени от свечи. Выражение лица Светы — испуг, и то самое «узнавание», которое испытала она сама. Шёпот деревянной рамы. И главное — этот силуэт. Мужской? Женский? Человеческий? Он шёл к ней. Не мимо, не в сторону. Именно навстречу.

Алекс встала и снова начала ходить. Из угла в угол, по ковру в гостиной, уже протоптанному её бессонными тревогами. Она пыталась приземлить переживание, облечь его в рациональные одежды.

«Вариант А: массовый психоз. Мы хотели чуда, настроились, и мозг услужливо его предоставил. Света — мистик, Лера — поддакивала, я — идеальная кандидатка с моей усталостью и общим ощущением, что жизнь — это абсурдный трэш».

Она прошла пять кругов.

«Вариант Б: зеркало старое, стекло неровное, с внутренними оптическими дефектами. Свеча создала преломления, тени от мебели и наших тел сложились в узнаваемый паттерн — силуэт. Эффект парейдолии, как когда видишь в облаках дракона».

Десять кругов. Ноги начали ныть.

«Вариант В...» Тут мысль спотыкалась. Варианта В не было. Только это странное, упрямое чувство в самой глубине, противоречащее всем логическим доводам: «это было настоящее». Контакт. Миг, когда тонкая плёнка между мирами натянулась и стала прозрачной.

Она подошла к своему балконному окну и прижалась лбом к холодному стеклу. На улице повалил снег — крупный, неторопливый, завораживающий в своей простоте. Он застилал грязь асфальта, смягчал углы мира, делал всё чистым и цельным. Хотелось, чтобы и внутри наступила такая же тихая метель, которая укрыла бы и усыпила все тревожные мысли.

Но мысли не утихали. Они кристаллизировались вокруг одного момента: вопроса, который она задала. «Где найти настоящее тепло?» И теперь её мучило: был ли увиденный ею образ ответом? Или приглашением? А может, предупреждением? Что, если то «тепло», которое она ищет, находится по ту сторону стекла, в том самом месте с каменными арками и движущейся тенью? Мысль была одновременно пугающей и пьяняще соблазнительной.

Часы показывали четыре. Тёмное небо на востоке начало чуть светлеть, из чёрного превращаясь в густо-синее. Физическая усталость, наконец, стала перевешивать душевное смятение. Тело, измученное ходьбой и напряжением, просило покоя. Глаза слипались.

Алекс доплелась до спальни, не включая свет. Она скинула одежду и упала на кровать, укрывшись одеялом с головой, как в детстве, когда боялась монстров под кроватью. Теперь монстр был иным. Он жил не в темноте комнаты, а в матовой глубине старого зеркала. И в её собственной голове.

Перед самым сном, в той граничной полосе, где мысли уже теряют чёткость, её сознание выдало последний, самый странный образ. Не силуэт. А руку. Тонкую, длиннопалую, мужскую руку, протянутую сквозь дымчатое стекло. Не в агрессии, не в угрозе. Словно в немом вопросе, в попытке дотянуться. Или поймать.

Алекс резко открыла глаза в темноте. Сердце бешено колотилось. Но сил на новый виток паники уже не было. Сознание отступало, погружаясь в пучину усталости. Последним осознанным ощущением было не страх, а что-то иное — щемящее, острое любопытство, смешанное с нелепой, детской обидой на весь мир. «Почему именно я? — подумала она, уже почти во сне. — У меня и так достаточно своих дыр в полу и треснувших экранов. Зачем мне ещё и дыры в реальности?»

Информация для лиц старше 18+

Книга участвует в литмобе “Ночь перед Рождеством”

Глава 6

Сон не пришёл — он ворвался. Одна секунда, и Александру медленно затягивало в липкую, тёплую пучину усталости, где обрывки мыслей о дедлайне и треснувшем телефоне смешивались в невнятную муть. Следующая — её вырвало из этого небытия с силой катапульти. Не было плавного перехода, мерцания картинки. Был резкий, болезненный разрыв, как будто плёнка реальности лопнула под натяжением.

Она не открывала глаза — они уже были открыты, но видели не потолок своей спальни. Они видели водоворот, калейдоскоп из сплетённого света и тени, который кружил её, как щепку в сливе гигантской ванны. Не было верха, низа, не было тела — только чистое, паническое восприятие падения сквозь радужный туман. В ушах стоял оглушительный гул, похожий на рёв океана, пропущенный сквозь горный хрусталь. Это был не звук, а вибрация, сотрясавшая самую её суть.

«Я умираю, — пронеслось в её сознании, лишённом даже возможности сформировать страх. — Сердце не выдержало. Или мозг. Или всё вместе. Это конец.»

Но падение внезапно замедлилось. Водоворот света успокоился, растянулся в длинный, мерцающий туннель. И она почувствовала землю. Не удар, а мягкое, упругое приземление, будто её опустили на гигантскую перину. Ощущение вернулось с ошеломляющей силой. Первым пришло обоняние.

Воздух ударил в ноздри — не воздух мегаполиса с примесью бензина и выхлопов, а взрывная смесь ароматов, каждый из которых был отдельной симфонией. Сладкая, почти призрачная вязь цветущей лианы, перебиваемая терпкой свежестью хвои невиданного масштаба. Глубокий, влажный запах старого мха и плодородной, живой земли. И что-то ещё — тонкая, едва уловимая металлическая нотка, будто в воздухе висела взвесь измельчённого серебра.

Алекс лежала на спине, не в силах пошевелиться, впитывая мир через поры. Она моргнула, и её зрение наконец сфокусировалось.

Над ней было не небо. Это был купол. Бесшовный, живой купол из миллионов листьев, но таких, каких она никогда не видела. Они переливались всеми оттенками изумрудного, сапфирового и золотого, будто в каждый была вплавлена частица драгоценного камня. Свет исходил от них самих — мягкий, рассеянный, без теней, но с глубинным сиянием, как от старинных витражей. Этот свет пульсировал в такт негромкому, размеренному гулу леса — тому самому гудению, которое она приняла сначала за шум в ушах.

«Это не сон, — подумала она с ледяной, кристальной ясностью. — Сны не пахнут. И в снах не чувствуешь каждую травинку под спиной.»

Она медленно, с тихим скрипом в суставах, которые вдруг стали необычайно тяжёлыми, повернула голову. Мох, на котором она лежала, был густым, бархатистым и тёплым, как шерсть спящего зверя. Его цвет был не зелёным, а глубоким фиолетовым, усеянным крошечными бирюзовыми огоньками, похожими на светлячков, вмерзших в ткань земли. Рядом, в сантиметре от её щеки, рос цветок. Его чашечка напоминала миниатюрный хрустальный колокольчик, внутри которого перекачивалась капля чистейшего света. От лёгкого её дыхания цветок мелодично звякнул.

Алекс села. Её тело подчинилось, но движения были странными, замедленными, будто она плыла в густом мёде. Она осмотрела себя. На ней была её старая, серая футболка с полустёртым принтом и пижамные штаны в мелких розовых совах — одежда для сна, а не для путешествий в волшебные леса. На ногах не было ничего. Стопы утопали в тёплом мху, и это ощущение было невероятно приятным и одновременно пугающим в своей противоестественной идиллии.

Она подняла руки перед лицом. Те же руки. Никаких изменений. Но когда она сжала кулак, в воздухе остался едва заметный серебристый след, медленно тающий, как дым от дыхания на морозе.

— Что... Что происходит? — её собственный голос прозвучал чуждо, приглушённо, словно его поглотила плотная атмосфера леса.

И тогда, как в ответ на её шёпот, лес на мгновение затих. Гул стих. Замолчали невидимые цикады. Замерли, не шелохнувшись, переливающиеся листья. В этой внезапной, звенящей тишине она услышала другое. Лёгкий, почти неслышимый шорох — не листвы, а ткани. Шаг. Один. Второй. Твердый, уверенный, но осторожный.

Она замерла, сердце колотясь где-то в горле. Медленно, с преодолением какого-то внутреннего барьера, она подняла взгляд.

Он стоял в двадцати шагах от неё, на маленькой поляне, где фиолетовый мох сменялся ковром из серебристых, похожих на папоротник, растений. Он не появился — он просто был, как будто стоял там всегда, часть пейзажа, ожившая статуя.

Глава 7

Алекс забыла дышать.

Её мозг, отчаянно цеплявшийся за логику, попытался заарканить увиденное знакомыми сравнениями: «как из фильма», «как на картине». И потерпел сокрушительное поражение. Никакой фильм, никакая картина не могли передать присутствие, которое излучала эта фигура. Это была не игра света и тени, не мастерство художника. Это была плоть, кровь и нечто большее — сила, которая сгибала пространство вокруг себя, заставляя сияющий лес казаться лишь фоном, декорацией для его одинокой, величественной фигуры.

Эриан де Лартерс Арвинд.

Имя пришло не из памяти, а из самого воздуха, из той самой вибрации, что наполняла это место. Оно отозвалось в её костях, как камертон.

Он был высок. Очень высок и строен, с осанкой, в которой читались века дисциплины и врождённое превосходство. Одежда его была простой по крою, но неземной по материи. Плащ из ткани, похожей на спрессованный пепельный дым, мягко ниспадал с одного плеча, закреплённый сложной брошью — две стилизованные птичьи лапы, сжимающие молочно-белую жемчужину. Под плащом — прилегающий камзол и брюки того же оттенка, напоминающего цвет грозового неба перед рассветом. Всё на нём было функционально, лишено вычурности, и от этого — лишь внушительнее.

Но лицо... Лицо было тем самым, что мелькнуло в дымчатом стекле. И оно было в тысячу раз живее, выразительнее, реальнее.

Пепельные, почти белые волосы были откинuty назад, открывая высокий, чистый лоб и резкие линии бровей. Кожа — бледная, но не болезненная, а будто высеченная из мрамора, слегка тронутая жизнью. Нос с небольшой горбинкой, тонкие, сжатые в строгую линию губы. И глаза.

О, его глаза.

Светло-серые, цвета зимнего утра над замёрзшим озером. В них не было ни капли тепла в человеческом понимании. В них была ледяная ясность, пронзительный, анализирующий ум, привыкший видеть суть вещей, а не их оболочку. И сейчас в эту ясность ворвалось цунами эмоций, с которым он явно не мог справиться.

Алекс видела в них изумление, граничащее с шоком. Видела вспышку чего-то похожего на торжество, быстро подавленную. Видела тревогу, острую, как лезвие бритвы. И глубочайшую, всепоглощающую концентрацию. Он смотрел на неё так, будто она была редчайшим артефактом, ожившей легендой, разорвавшей ткань его размеренной реальности. И ещё — будто читал в её душе открытую книгу, листая страницы её страха, непонимания и зарождающегося ошеломлённого признания.

Он сделал шаг вперёд. Его движение было бесшумным, плавным, полным кошачьей грации. Плащ не шелестел, а лишь чуть изменил поток воздуха вокруг. Он сократил расстояние вдвое. Теперь она могла разглядеть мельчайшие детали: тонкую сеть морщинок у внешних уголков его глаз — следы не возраста, а постоянного напряжения; едва заметную бледную линию шрама, пересекающую левую бровь; идеально очерченную линию скулы, на которой играл отблеск сияющей ливны.

Их взгляды сплелись в тугой, невидимый узел. Алекс не могла оторваться. Весь её мир сжался до этих ледяных глаз, полных огня. Она хотела крикнуть, спросить, убежать, но её тело было парализовано этим зрелищем. Это был не гипноз. Это было признание. Узнавание на уровне души, предшествующее всякой памяти.

Мужчина снова двинулся, уже увереннее. Он поднял руку — длинную, узкую, с тонкими, выразительными пальцами аристократа и воина. Не для угрозы. Не для приветствия. Это

был жест глубокой, безмолвной мольбы. Рука была протянута ладонью вверх, пальцы слегка согнуты, будто готовые принять что-то хрупкое. Или отпустить что-то драгоценное.

«Возьми. Доверься. Пойдём со мной.»

Мысль пронеслась в её сознании, не её собственная, а пришедшая извне, мягко, как дуновение. Голоса не было. Только намерение, кристально чистое, отлитое в форму этого жеста.

Её собственная рука дрогнула. Инстинктивно, против воли разума, она начала поднимать её. Расстояние между их ладонями составляло теперь не больше десяти шагов. Казалось, стоит только сделать движение — и контакт состоится. Тайна раскроется. Всё обретёт смысл.

Но вместе с порывом пришла и волна животного страха. Страх перед неизвестным, перед этой подавляющей реальностью, перед самым масштабом его личности. Её пальцы сжались в кулак, замернув на полпути.

На его лице что-то дрогнуло. Не разочарование — нет. Скорее, понимание. Понимание её ужаса. И в его глазах на миг мелькнула тень боли. Быстрой, как укол, и такой глубокой, что Алекс почувствовала её физически, как щемящий спазм у себя в груди.

Он открыл рот. Его губы сложились, явно пытаясь сформировать слово. Звук не последовало. Ни единого. Он попробовал снова. Шевеление губ, напряжение в горле — и тишина. Будто невидимые путы сдавили его голосовые связки, вырвали звук из горла ещё до рождения. Это было жутко — видеть такую мощную фигуру, так ясно выражающую волю в каждом движении, и при этом безмолвную, как немая статуя.

Отчаяние, ярость и бессилие промелькнули в его взгляде. Он с силой сжал свою протянутую руку в кулак, костяшки пальцев побелели, а затем снова раскрыл её в ещё более настойчивом жесте. Его брови сдвинулись, глаза сверкнули стальным огнём, в котором теперь читался приказ, повеление того, кто привык, чтобы ему подчинялись.

«Нет времени! Нужно идти! Сейчас же!»

И в этот самый миг лес вздрогнул.

Глава 8

Дрожь началась не с воздуха, а с земли. Мох под её босыми ногами заволновался, как вода от брошенного камня. Тёплая, живая пульсация фиолетового ковра сменилась тревожной, неровной вибрацией. Светящиеся листья на деревьях синхронно мигнули, словно в гигантском помешательстве. Мелодичный звон хрустальных цветков сменился пронзительным, диссонирующим визгом, который впивался прямо в мозг.

Лицо Эриана исказилось. Не страх, а холодная, стремительная оценка угрозы. Его взгляд рванулся от неё куда-то вглубь леса, за её спину. Он не просто увидел опасность — он вычислил её траекторию, масштаб и время до столкновения. И то, что он вычислил, заставило его ледяное спокойствие дать трещину.

Мужчина сделал резкий, отрывистый жест рукой — уже не мольба, а команда: «В сторону!» — и бросился вперёд.

Алекс, парализованная новым витком ужаса, наконец смогла повернуть голову. То, что она увидела за спиной, вырвало у неё тихий, хриплый выдох.

Красивый, сияющий лес позади неё «разрушался». Не так, как рушатся деревья от бури. Они стирались. Края мира теряли чёткость, расплываясь в серую, беззвучную муть. Эта муть не просто была пустотой. Она была антижизнью. Там, где она касалась светящегося мха, тот тускнел, сморщивался и превращался в пыль. Хрустальные цветы рассыпались с сухим, жутким треском, похожим на ломающиеся кости. Звуки леса глохли, поглощаемые наступающей немотой. Это была не тьма, а выцветшая, лишённая всех красок и вибраций реальность, пожиравшая волшебство с ненасытной жадностью. И она ползла к ней с пугающей скоростью, оставляя за собой мёртвую, гладкую, как стекло, пустыню.

Инстинкт самосохранения, дремавший под гипнозом чуда, проснулся с рёвом. Алекс вскочила на ноги, готовая бежать, но ноги подкосились — от страха, от непривычной тяжести этого мира. Она упала на колени.

Серая пустота была уже в трёх шагах. Она почувствовала её дыхание — ледяное, сухое, высасывающее из лёгких воздух, из кожи — влагу, из души — саму способность чувствовать. Холод схватил её за щиколотки, ловким, цепким прикосновением, и пополз выше. Онемение, страшнее любой боли.

И тут он оказался рядом.

Эриан преодолел оставшееся расстояние не бегом — это было стремительное, почти призрачное скольжение. Он встал между ней и наступающей пустотой, спиной к опасности, лицом к ней. Его плащ взметнулся, заслонив от неё ужасное зрелище. Всё её поле зрения заняло теперь его лицо — бледное, с резко очерченными от напряжения скулами, с губами, сжатыми в тонкую белую нить.

В его глазах не было страха за себя. Только ярость. Ярость на эту угрозу. И отчаянная решимость.

Он опустился перед ней на одно колено, уравнив их взгляды. Его руки схватили её за плечи. Прикосновение было твёрдым, властным, но не грубым. Сквозь тонкую ткань футболки она почувствовала нечеловеческую силу в его пальцах и холод. Не холод смерти, а холод глубокого, древнего камня, заряженного энергией.

Он тряхнул её, заставив встретиться взглядом. Его глаза впились в неё, и в них горел немой приказ: «Смотри на меня. Только на меня. Верь мне.»

Серая пустота накрыла его сзади, словно волна. Она увидела, как край его плаща коснулся её — и мгновенно посерел, потерял фактуру, стал плоским, как нарисованный. Пустота пожирала его, подбираясь к плечам.

Эриан не оглянулся. Он знал. И в этот миг отчаяние в его глазах сменилось чем-то иным. Решимостью, граничащей с безумием. С жертвой.

Он рванул её к себе, стиснув плечи так, что Алекс ахнула. И затем, с невероятной силой, резко развернул её, прижав спиной к своей груди, одним движением встав на ноги и повернувшись спиной к отступающему (или наступающему?) лесу. Теперь он был щитом между ней и пустотой, поглощавшей его самого.

Одну руку он оставил на её плече, сжимая так, что было больно. Другую — вытянул в сторону ещё живого, сияющего леса, куда он, очевидно, пытался её направить. Его пальцы снова сложились в жёсткий, повелительный знак: «Беги туда!»

Алекс застыла в этом железном объятии. Она чувствовала холод пустоты, пожирающей его плащ, чувствовала напряжение каждой мышцы его тела, слышала его прерывистое, яростное дыхание у самого уха. И сквозь шквал паники в её сознании пробилась одна ясная, невероятная мысль: «Он защищает меня. Ценой себя.»

Она не могла бежать. Не могла оставить его.

Девушка попыталась повернуться, вырваться, чтобы увидеть, что с ним. В этот момент его рука на её плече ослабла на долю секунды, скользнула ниже, к её запястью. Его пальцы обвили его — не для удержания, а для чего-то иного. Контакт кожи с кожей.

И мир взорвался.

Глава 9

Прикосновение было подобно удару молнии, но молнии изо льда и света. Не боль, а шок, сносящий все мысли, все чувства, саму личность. Алекс вскрикнула, но звук потерялся в водовороте образов, хлынувших в неё из точки соприкосновения.

Это не были картинки. Это были воспоминания. Чужие. Глубокие, сложные, прожитые.

Зеркальный зал. Бесконечная анфилада отполированных до зеркального блеска чёрных базальтовых плит. В них отражаются не лица, а тени, движения, отголоски других мест. Юноша с пепельными волосами, слишком серьёзный для своих лет, учится различать эти отголоски, слышать их тихий гул. Одиночество. Давление. Долг... Слово, высеченное в сознании.

Взросление. Короткие, редкие встречи с королём Дэймондом IV — мужчиной с усталыми глазами и тихим голосом, который смотрит на него не как на подданного, а как на единственную, хрупкую нить, связывающую королевство с непостижимым. Слова: «Зеркала — это не просто порталы, Эриан. Это барометры реальности. Их спокойствие — наш покой. Их дрожь — наша гибель. Ты — наш страж у самой тонкой грани».

Рутина. Дни, сливающиеся в годы. Наблюдение. Отслеживание вибраций в зеркальной сети. Скука, пронизанная постоянной, выматывающей бдительностью. Чувство, что жизнь происходит где-то там, за пределами этих холодных, бездушных коридоров.

И затем — разрыв. Трещина в одном из старейших, самых стабильных зеркал. Небольшая, почти незаметная. И за ней — мир. Станный, шумный, яркий, лишённый магии, но переполненный жизнью. Городские улицы. Люди в нелепой одежде. Смех. Суэта. И — она.

Сначала просто силуэт. Девушка перед другим зеркалом, в странной комнате. Она что-то доказывала своему отражению, размахивая ботинком? Потом она рассмеялась, и этот звук, чистый и искренний, пробился сквозь барьер, как луч солнца в подземелье. Он застыл, замороженный.

Наблюдения стали тайной привычкой. Он ловил моменты её жизни: её борьбу с молнией на сапоге, её гримасы перед экраном компьютера, её задумчивость над чашкой чая, её смех в кругу подруг. Он видел её маленькие катастрофы и её упрямое, почти героическое умение подниматься после них. Она была хаотичной, нелепой, абсолютно несовершенной. И невероятно живой. Она стала для него окном в мир, где долг не был всем, где можно было ронять кружки и злиться на погоду, и где тепло рождалось не от магических кристаллов, а от простого человеческого смеха.

И с этим пришло другое чувство. Не просто интерес. Глубокое, нарастающее предчувствие. В дрожании зеркал, в искажении отражений он начал читать древние пророчества о «Зеркальной Скиталице» — не как о легенде, а как о надвигающейся реальности. О необходимости. Об угрозе. И о том, что она, эта девушка из другого мира, в центре всего этого.

И наконец — ночь. Зеркало в его покоях забурлило, замерцало тревожным алым светом. Древние защитные чары на порталах загудели сигналом бедствия. Кто-то или что-то пыталось прорваться с той стороны. Не просто выглянуть, а проломиться. И он понял — это связано с ней. С её гаданием, с её вопросом, брошенным в матовую гладь. Он активировал древний, рискованный ритуал — попытку проецирования сознания, чтобы дотянуться, предупредить, вытащить её в относительную безопасность своего мира, прежде чем её найдёт и поглотит то, что шло по её следам.

И вот он здесь. В этом переходном, хрупком пространстве Леса Отражений. Перед ней. И сила, которая рвётся за ней, уже здесь. Она пожирает реальность. И времени нет.

Весь этот поток прожитой жизни, долга, одиночества и зародившегося чувства пронзил Александру за одно мгновение касания. Она не просто узнала его историю — она почувствовала её. Его холодное одиночество стало её одиночеством. Его долг — её тяжестью. Его изум-

ление перед ней — её собственным смущением. И его решимость спасти её — огненной волной, смывающей последние остатки её страха.

В этот миг их взгляды снова встретились. И в его глазах, помимо ярости и решимости, она увидела то, что он никогда не смог бы передать словами. Увидела признание. Уязвимость. И немой, отчаянный вопрос: «Пожалуйста, доверься мне.»

Пустота достигла его плеч, перекинулась на шею. Его черты начали терять чёткость, сереть.

И тогда из самой глубины этого потока воспоминаний, из точки, где слились их страхи и надежды, прорвался голос. Не звук ушами. Чистая мысль, отлитая в слово, которое громом прогремело в её сознании, наполненное всей силой его воли и всей нежностью, на которую он был способен:

«Александра! Найди меня! В зеркале, которое дышит! Пока не поздно!»

И всё...

Глава 10

Прикосновение оборвалось. Словно кто-то выдернул вилку из розетки вселенной.

Александра Воронова вырвалась из сна не плавно, а с таким чувством, будто её вышвырнуло из падающего самолёта. Она взлетела с кровати, не садясь, а именно взлетела, как на пружине, и врезалась спиной в изголовье с глухим стуком. Воздух вырвался из её лёгких свистящим, беззвучным воплем.

Она сидела, выпрямившись, глаза застыли, широко распахнутые, уставившись в полумрак комнаты, но не видя его. Она «видела» ещё. Видела сияющий лес, растворяющийся в серой мути. Видела его лицо, теряющее цвет и жизнь. Чувствовала на своей коже леденящий холод той пустоты и жгучий след его пальцев на запястье.

Дрожь. Сначала мелкая, как озноб, потом всё сильнее, пока не начало трясти всё тело, выбивая зубами дробную, беспорядочную чечётку. Она обхватила себя руками, впиваясь пальцами в плечи, пытаясь сдержать эту тряску, но это было невозможно. Это была дрожь на клеточном уровне, вызванная перегрузкой, столкновением с абсолютно иной, слишком реальной реальностью.

Пот. Он выступил по всему телу мгновенно, ледяной и липкий, пропитав тонкую футболку, сделав пижамные штаны холодными и неприятными. Особенно холодным было то самое запястье. Она посмотрела на него. Кожа была чистой, без следов. Но она горела. Не жаром, а странным, пронизывающим холодом, который шёл изнутри, как будто в вену ввели кусочек льда.

Алекс сидела так, может быть, минуту, может, десять. Время потеряло смысл. Мир за окном постепенно светлел, переходя от густой синевы к грязно-серому предрассветному оттенку. Знакомые очертания комнаты — комод, стул, экран ноутбука медленно проступали из мрака, как призраки. Они казались плоскими, ненастоящими, дешёвой декорацией после той объёмной, дышащей реальности леса.

«Сон», — попыталась сказать она себе. Но это слово было пустой оболочкой, лопнувшим шариком. Ни один сон в её жизни не оставлял после себя физических ощущений — ледяного пота, дрожи в мышцах, чёткого, ясного воспоминания о каждом запахе, каждом звуке, каждой эмоции. И уж точно сны не передавали целые жизни чужих людей прямо в мозг.

Она медленно, с невероятным усилием, разжала руки и посмотрела на свои ладони. Обычные руки. Никакого серебристого следа. Но в памяти отпечаталось, как они выглядели в том свете — бледные, почти прозрачные.

С трудом оторвавшись от изголовья, она сползла с кровати. Ноги были ватными, едва держали. Алекс пошатнулась и ухватила за тумбочку, чтобы не упасть. Под рукой оказался телефон. Треснутый экран загорелся, показывая время: 5:47 утра. И дату. Всего одна ночь прошла. Всего одна.

Она побрела на кухню, волоча ноги, как после тяжёлой болезни. Включила свет. Резкий, люминесцентный свет кухонной лампы ударил по глазам, заставив её зажмуриться. Она на ощупь нашла раковину, открыла кран и сунула лицо под струю ледяной воды. Шок от холода был почти благодатным. Он ненадолго отсек навязчивые образы, вернув её к простым, физическим ощущениям: холод, мокрота, запах хлора из водопровода.

Девушка выпрямилась, вытерла лицо полотенцем и посмотрела на своё отражение в тёмном окне над раковиной. Бледное, осунувшееся лицо с огромными тёмными кругами под глазами. Волосы, всклокоченные и влажные на висках. Взгляд потерянный, испуганный, но где-то в самой глубине — зажжённая искра. Искра знания. Принятия.

Она не сошла с ума. С ней произошло что-то. Что-то настоящее. И это что-то было связано с зеркалом. Со старым зеркалом у Светы. И с ним. С Эрианом.

Его имя отозвалось в ней с новой силой. Не просто имя. Титул. «Эриан де Лартерс Арвинд. Хранитель зеркальных порталов королевства Дейсервид. Тайный советник короля Дэймонда IV.» Звания, которые звучали как из эпической поэмы, но для неё теперь были наполнены смыслом, почерпнутым из его собственных воспоминаний. Она знала вес этого долга. Запомнила холод его покоев. Запомнила скуку его веков.

И она знала другое. Запомнила, как он смотрел на её мир. На неё. Это знание согревало изнутри, противостоя ледяному поту на коже.

«Найди меня. В зеркале, которое дышит».

Она повторила эти слова про себя, затем шёпотом. Её голос был хриплым, сломанным.

— Зеркало, которое дышит. Дышащее зеркало.

«Очевидно, то самое, у Светы. Которое...» — она прервала свою мысль, увидев снова в окне не своё отражение, а странный мираж: тень, мелькнувшую за стеклом. Алекс резко обернулась. Никого. Тишина квартиры стала вдруг гнетущей, внимательной. Она чувствовала на себе взгляд. Не из кухни. Отовсюду. От каждого тёмного угла, от каждой блестящей поверхности.

Словно лес не отпустил её до конца, а протянул за ней свои щупальца — тонкие, невидимые нити напряжения в самой ткани её реальности.

Дрожь снова пробежала по спине. Она не могла оставаться здесь. Не могла просто ждать следующей ночи, следующего сна, который мог и не прийти. Или мог принести что-то худшее.

«В зеркале, которое дышит».

Она знала, что должна делать. Страх гнал её вперёд сильнее, чем любопытство.

Алекс вернулась в спальню и стала одеваться на автомате, выбирая первое, что попало под руку: джинсы, толстый свитер, тёплые носки. Её движения были резкими, лихорадочными. Она поймала себя на том, что избегает смотреть в зеркало шкафа-купе, повернувшись к нему спиной, пока натягивала свитер. Мысль о том, чтобы взглянуть в него сейчас, вызывала приступ чистой, животной паники.

«Соберись, — приказала она себе. — Ты не ребёнок. Ты видела что-то. Теперь нужно действовать. Нужны факты.»

Она схватила телефон и, не глядя на треснувший экран, набрала номер Светы. Палец дрожал. Программа набирала долго. Слишком долго.

— Алло? — голос Светы был сонным, хриплым от ночных гаданий и, вероятно, глинтвейна. — Алекс? Что случилось? Ты в порядке?

— Свет, — голос Александры предательски сорвался на пол-октавы выше. Она сглотнула. — Прости, что так рано. Это важно. То зеркало. Ты его чувствуешь сейчас? Что-нибудь странное?

На другом конце провода повисла пауза. Не сонная, а настороженная.

— Странное? Ты о чём? Алекс, ты пугаешь меня. Твои «приснилась ерунда» было враньём, да?

— Да, — честно призналась Алекс. — Это была не ерунда. Я... Я видела его. В зеркале. И не только. Свет, я должна на него посмотреть. Сейчас. Можно я приеду? Прямо сейчас?

— Сейчас пять утра! — в голосе Светы послышалась тревога. — Алекс, послушай, может, тебе просто нужно выспаться? Или кофе? Ты звучишь...

— Я не сплю! — выкрикнула Алекс, и в её голосе прорвалась та самая истеричная нота, которую она пыталась подавить. — Он сказал найти его. В зеркале, которое дышит. Я думаю, это твоё. Пожалуйста, Свет. Я еду.

Она отключила вызов, не дожидаясь ответа. Её не остановить. Алекс схватила ключи, сумку, накинула первое попавшееся пальто и выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью. Эхо разнеслось по пустому подъезду.

Глава 11

Рассветное такси пробиралось по пустынным улицам, запорошенным свежим снегом. Алекс сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как город медленно просыпается. Фонари тухли один за другим, уступая место холодному, серому свету зимнего утра. Всё казалось плоским, безжизненным после буйства красок и магии леса. Но теперь и этот привычный мир был заряжен скрытой угрозой. Каждый тёмный проулок, каждый отсвет в витрине мог быть чем-то иным.

Она думала об Эриане. О том, как он стоял, поглощаемый серой пустотой, но не отступал. Защищал её. От чего? Что это была за сила, способная стирать реальность? И почему она преследовала именно её? Мысль о том, что из-за её нелепого гадания, из-за её вопроса о «тепле» она навлекла какую-то потустороннюю беду не только на себя, но и на него, вызывала чувство вины, острое, как нож.

Таксист, пожилой мужчина с усталым лицом, бросил на неё косой взгляд через зеркало заднего вида.

— К родственникам в такую рань? Или помер кто?

— К... подруге, — буркнула Алекс. — Срочное дело.

— Дело, — фыркнул таксист. — У молодых все дела срочные. А потом здоровье кончается.

Алекс не отвечала. Она смотрела на его руки на руле. Обычные руки. Никакого серебристого следа. «Мой мир, — думала она. — Обычный, скучный, безопасный». Но это была иллюзия. Безопасность рассыпалась, как песок сквозь пальцы.

Света открыла дверь, уже одетая, но с неубранными волосами и без макияжа. На её лице была не досада, а глубокая озабоченность.

— Заходи, — тихо сказала она, пропуская Алекс внутрь.

Квартира была тихой. Пахло висящей в коридоре веткой сосны, воском и вчерашним глинтвейном. На столе в гостиной всё ещё стояли пустые кружки, блюдце, но самого зеркала не было. Оно было аккуратно завернуто в чёрный бархат и лежало на том же резном комод, как драгоценность или бомба замедленного действия.

— Я убрала его после того, как ты уехала, — сказала Света, следуя за её взглядом. — Стало не по себе. Слишком сильная энергия. Алекс, что с тобой случилось? Ты белая, как полотно.

— Оно дышит? — прошептала Алекс, не отрывая глаз от свёртка.

— Что?

— Ты говорила, иногда кажется, что в нём что-то шевелится. Ты чувствовала его дыхание?

Света медленно кивнула.

— Да. Как лёгкий ветерок от поверхности. Холодный. И запах старого дерева и чего-то холодного, металлического. Как в пустом соборе зимой. Почему ты спрашиваешь?

Вместо ответа Алекс подошла к комоду. Её рука дрогнула, но она твёрдо развернула бархат. Деревянная рама, тёплая на ощупь, даже сквозь ткань, встретила её. Стекло, матовое и безжизненное при свете дня, лежало как слепое око.

— Что ты собираешься делать? — спросила Света, шагнув ближе.

— Он сказал найти его, — повторила Алекс. — Здесь. Я думаю, мне нужно снова посмотреть. Правильно. Как тогда.

— Алекс, это может быть опасно! Мы не знаем, что это за штука!

— Я знаю, что опасность уже здесь! — резко обернулась к ней Алекс. В её глазах горела та самая искра — смесь страха и решимости. — Она пришла ко мне во сне. Она почти догнала меня. И он... Он заслонил меня. Свет, я должна. Я не могу просто ждать, пока она придёт снова. Наяву.

Света замерла, глядя на подругу. Она видела не истеричку, а человека, столкнувшегося с чем-то, что перевернуло всё с ног на голову. И в этом человеке она увидела нечто новое — стальную волю, которой раньше в вечно сомневающейся, слегка нелепой Александре не было и в помине.

— Хорошо, — тихо сказала Света. — Но не одна. Я буду рядом. И... Давай сделаем это по правилам. Как вчера.

Она зажгла ту же толстую бордовую свечу, выключила свет. Комната погрузилась в полумрак. Зеркало, поставленное на стол перед свечой, словно ожило. Матовая глубь впитала пламя, превратив его отражение в далёкий, мерцающий огонёк, будто звезду, видимую сквозь туман.

Алекс села на пол, скрестив ноги, прямо напротив стекла. Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Она вспомнила его лицо. Его ледяные глаза, полные огня. Его прикосновение. Его голос в своей голове.

«Я здесь, — мысленно сказала она. — Я пришла. Я ищу тебя.»

Она открыла глаза и уставилась в матовую гладь, стараясь смотреть не на неё, а сквозь, как учила Света. Она расслабила взгляд, позволила краям зеркала, резным лицам на раме, расплыться.

Сначала ничего не происходило. Только колыхание пламени свечи, отражённое в стекле. Тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и собственным сердцебиением.

А затем стекло «вздохнуло».

Это было точно так же, как в прошлый раз: лёгкое движение воздуха, запах старого камня и мороза. Но на этот раз сильнее. Матовая поверхность как будто заволновалась, стала жидкой, текучей. Отражение пламени исказилось, вытянулось в ту самую светящуюся арку.

Алекс затаила дыхание. Сердце бешено колотилось, но она не отводила взгляда. Она вглядывалась в глубину, туда, где за аркой должна была быть тьма.

И тьма задвигалась.

Глава 12

Сначала это была просто тень. Потом очертания. Фигура. Она шла к арке медленно, тяжело, будто преодолевая невероятное сопротивление. Это был он. Эриан.

Но он был не таким, как во сне. Его одежды были потрёпаны, плащ порван в нескольких местах. На бледной щеке краснела свежая ссадина. Он выглядел измотанным, постаревшим на годы за одну ночь. Но его глаза... Его глаза горели тем же стальным огнём. Увидев её, он остановился по ту сторону стекла, так близко, что она могла бы, кажется, дотронуться, если бы не эта тонкая, непреодолимая преграда.

Он снова попытался говорить. Губы сложились в беззвучные слова. Отчаяние мелькнуло в его взгляде. Тогда он поднял руку и прижал ладонь к стеклу с той стороны.

Алекс, не раздумывая, сделала то же самое. Её ладонь встретилась с его — их разделяла лишь толщина древнего стекла. Она почувствовала... Не тепло, а вибрацию. Глухую, мощную пульсацию, как будто бьётся огромное сердце, заточенное в зеркале.

И снова в её сознании, тише, слабее, чем во сне, но также ясно, прозвучал его голос-мысль, полный усталости и невероятного облегчения:

«Ты пришла... Слушай. Времени мало. Тот, кто охотится... Он чувствует связь. Разрыв между мирами здесь тонкий. Он попытается прорваться. Через это же зеркало. Сегодня. С заходом солнца. Ты должна быть готова.»

— Готова к чему? — прошептала Алекс вслух, не в силах сдержаться. — Как мне остановить это?

Его образ в зеркале задрожал, стал прозрачным, как будто сигнал прерывался.

«Не останавливать. Пройти. Пройти на эту сторону. Это единственный способ разорвать петлю. Единственный шанс спасти оба мира. Доверься мне.»

Его последние слова почти утонули в нарастающем гуле, который вдруг заполнил комнату. Зеркало завибрировало, загудело. Маленькие лица на раме будто застонали. Стекло потемнело, и в его глубине Алекс увидела не Эриана, а промелькнувшую тень — огромную, бесформенную, алчную. Она метнулась к арке, к тому месту, где только что стоял он, с такой яростью, что Алекс инстинктивно отдернула руку.

Зеркало с громким, сухим щелчком, словно захлопнувшаяся ловушка, стало обычным. Матовым, глухим, безжизненным. Свеча на столе погасла, будто её задуло невидимым ветром.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Алекс сидела, тяжело дыша, глядя на свою ладонь. На ней не было отметин, но она горела теперь уже настоящим теплом.

Света, бледная как смерть, смотрела на неё.

— Ты... Ты слышала? — прошептала Алекс.

— Я слышала гул. Видела, как дрожит зеркало. И видела твоё лицо, — тихо сказала Света. — Ты разговаривала с ним. По-настоящему. Что он сказал?

Алекс медленно подняла на неё глаза. В них не было страха. Теперь там была холодная, отточенная решимость.

— Он сказал, что сегодня на закате через это зеркало попытается прорваться та вещь, что охотится за мной. И что единственный способ это остановить — мне пройти на ту сторону первой.

Она встала, её колени дрожали, но она устояла.

— Мне нужно идти. Мне нужно подготовиться.

— Подготовиться? К чему? К путешествию в другой мир? Алекс, это безумие! Ты сходишь с ума!

— Это необходимость, — голос Александры звучал твёрдо. — Я не могу рисковать вами. Или этим миром. Он рискнул собой за меня. Теперь моя очередь.

Она посмотрела на зеркало, на чёрный бархат. Потом на подругу.

— Свет, мне нужна твоя помощь. И Леры. Но вы должны понимать. Это может быть опасно. Для вас.

Света молча смотрела на неё, а потом медленно, решительно кивнула.

— Ты не одна, — просто сказала она. — Никогда не была. Безумие так безумие. Что нам делать?

Алекс посмотрела в окно. За стеклом светлело. До заката оставалось несколько часов. Несколько часов, чтобы попрощаться с одной жизнью и приготовиться шагнуть в другую. Её мир больше не был прежним. И она — тоже.

В кармане пальто её телефон тихо завибрировал. Наверное, Олег с очередной правкой. Или напоминание о дедлайне. Она вынула его, посмотрела на треснувший экран, на котором мигало уведомление. И улыбнулась — горько, иронично. «Тепло для «Грани» к 9:00» казалось теперь абсурдом из другой, забытой эпохи.

Она отключила телефон и сунула его обратно в карман. У неё были другие дела. Более важные. Более тёплые.

Глава 13

Тишина в Чертогах Зеркал была не пустой, а густой, насыщенной, словно воздух между струнами натянутой до предела арфы. Она гудела неслышным для обычного уха звоном — симфонией стабильности, за которую Эриан де Лартерс Арвинд нёс ответственность. Он стоял в центре ротонды Обсерватории, где сходились семь главных зеркальных порталов, и слушал. Слушал не ушами, а кожей, костями, той частью души, что навсегда срослась с магией этого места.

Сдвиг почувствовался не сразу. Сначала — едва уловимое изменение давления, будто в гигантском зале кто-то приоткрыл и тут же захлопнул дальнюю дверь. Затем — лёгкая, противная рябь на поверхности Западного зеркала, того, что отражало не другие залы, а Глубины: пространство между мирами, вечно клокочущее хаотичной энергией.

Эриан нахмурился, не отрывая взгляда от матовой, отливающей свинцом глади. Его пальцы, сложенные за спиной в замок, сжались до хруста. «Не сейчас, — подумал он с холодной яростью. — Только не сейчас». Праздник Лунного сияния был на исходе, двор утомлён, гарнизон расслаблен. Идеальный момент для атаки Нетрот.

Он сделал резкий, отточенный жест рукой. Два безмолвных стража в масках из полированной чёрной древесины, застывшие у входа, мгновенно растворились в полумраке, чтобы поднять тревогу на периметре. Эриан подошёл к зеркалу ближе. Его отражение — высокий, аскетичный силуэт в одеждах цвета грозового неба — казалось призрачным на фоне клубящегося за стеклом тумана.

— Покажи мне угрозу, — скомандовал он, и его голос, низкий и ровный, впитала тишина, не оставив эха.

Магия, вплетённая в его кровь и титул, отозвалась. Зеркало дрогнуло. Свинцовый оттенок сменился всполохами грязно-лилового и ядовито-зелёного. Эриан напрягся, готовясь увидеть знакомые, ненавистные очертания пожирающей пустоты, щупальца Нетрот, тянущиеся к хрупкой оболочке его мира.

Но увидел он нечто иное.

Туман рассеялся не до конца, оставив дымку, будто смотрящую сквозь заиндевшее стекло. И за этой дымкой был интерьер. Станный, тесный, заваленный беспорядочными предметами. И девушка.

Она стояла спиной, что-то яростно доказывая своему собственному отражению в другом, маленьком зеркальце, размахивая каким-то громоздким предметом в руке. Потом она обернулась, и он увидел её лицо. Разгневанное, озарённое внутренним огнём, с тёмными, летящими бровями и упрямым подбородком. Она что-то крикнула (звук не пробивался, только беззвучное движение губ) и швырнула тот предмет — сапог? — в угол.

И рассмеялась.

Звука не было, но Эриан увидел, как задралась её голова, как сомкнулись в смехе глаза, как плечи задрожали от беззвучного веселья. Это был смех, лишённый всякой придворной утончённости, дикий, искренний, взрывной. Он бил в тишину Обсерватории тише шёпота, но для Эриана прозвучал громче меди боевых горнов.

Шок сковал его. Это не было Нетрот. Это было живое. Чужеродное, но не враждебное. Чистое. Его разум лихорадочно работал, отсеивая варианты. Заблудшая душа? Мираж Глубин? Но нет, детали были слишком реальны. Ткань её странной одежды, беспорядок на столе, свет от примитивного, но яркого источника на потолке.

Девушка вышла из поля зрения. Зеркало снова потемнело. Эриан не двигался, застыв, как изваяние, пытаясь осмыслить увиденное. Его сердце, привыкшее биться медленным, размеренным ритмом долга, отчаянно и бестолково колотилось под рёбрами.

И тогда в его памяти, как удар колокола, прозвучали строки, заученные в детстве и с годами отложенные в дальнюю кладовую разума как красивая, но бесполезная метафора:

«Когда истончится завеса до дымки зимнего стекла,
И в Глубине зашевелится чужая, яркая метка,
Явится та, что меж мирами ходит без тропы и вехи,
Зеркальная Скиталица, в чьих руках — судьба начала».
Пророчество о Скиталице. Детская сказка для утешения принцев. Миф.
Но что, если нет?

Адреналин, холодный и острый, сменил первоначальный шок. Если это она... Если пророчество начинает сбываться... Это означало не спасение. Это означало катастрофу. Приход Скиталицы всегда предвещал либо величайшее исцеление, либо окончательный разрыв. И учитывая нынешнее состояние барьеров, второй вариант казался куда вероятнее.

Его долг был ясен: доложить Совету. Изолировать аномалию. Изучить. Контролировать.

Но прежде — установить контакт. Узнать. Понять, с чем именно он имеет дело. Возможно, это был шанс. Крошечный, опасный, несвоевременный шанс.

Эриан снова поднял руки к зеркалу. На этот раз его движения были не повелительными, а осторожными, почти нежными. Он позволил магии не вырваться наружу копьём, а сочиться тонкой нитью, зондом, пытаясь нащупать обратную связь, найти «частоту» того странного отражения.

— Покажи снова, — прошептал он, и в голосе впервые за много лет прозвучала не уверенность, а просьба.

Зеркало отозвалось. Картинка была нестабильной, мигающей, как плохая связь. Он увидел её снова. Теперь она была в другом месте, среди других девушек. Сидела, укутанная в плед, с кружкой в руках. И смотрела. Прямо перед ней, на столе, лежало ещё одно зеркало. Старое, в резной раме. И оно смотрело назад. В его мир.

Их взгляды встретились через десятки слоёв реальности.

Эриан замер. Он видел, как её глаза расширились от ужаса и изумления. Видел, как её губы сложились в беззвучное «кто ты?». Всё его существо, всё его мастерство Хранителя сфокусировалось в одной точке: удержать связь. Протянуть нить.

Он попытался послать образ. Не слово — слова были слишком хрупки. Образ места. Чертоги. Себя. И времени: следующий закат. Он вложил в импульс всё своё умение, всю силу воли.

Канал дрогнул, завизжал невыносимым для внутреннего слуха визгом. Отражение искажилось, распалось на тысячи мерцающих осколков. В последний миг он увидел не её лицо, а нечто другое, прорвавшееся сквозь хрупкий мост из света — тень. Огромную, алчную, безформенную. Она метнулась к месту, где только что была девушка, с такой яростью, что защитные чары зеркала в его мире взвыли в протесте.

Связь порвалась. Западное зеркало с глухим стуком, будто захлопнувшаяся дверь в подземелье, вернулось к своему обычному, свинцово-матовому состоянию.

Эриан отшатнулся, как от удара. В ушах стоял звон. По спине струился холодный пот. Он дышал прерывисто, опираясь ладонями о холодный камень пьедестала.

Он установил контакт. Он увидел Скиталицу. И он привлёк к ней внимание чего-то ещё. Того, что шло по следам разрыва.

«Глупец, — прошипел он сам себе, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Сентиментальный, непрофессиональный глупец».

Теперь он знал. И теперь у него не было выбора. Он должен был действовать. Совет подождёт. Сначала — защита. Сначала — попытка вытащить её сюда, из подставляемого под удар мира, пока это «что-то» не нашло её там.

Он выпрямился, смахнул со лба прядь пепельных волос. На лице не осталось и тени смятения, только ледяная, отточенная решимость Хранителя, принявшего бой.

— Дежурный офицер! — его голос раскатился по ротонде, нарушая священную тишину. — Поднять охрану Западного портала на максимальный уровень. Никого не подпускать. И приготовить мои личные покои для гостя. Возможно, самого неожиданного.

Он бросил последний взгляд на неподвижное зеркало, за которым теперь скрывалось и обещание, и угроза.

— Ты сделала свой шаг, Скиталица, — тихо сказал он в пустоту. — Теперь очередь за мной. Увидимся на закате.

И, развернувшись, он зашагал прочь, его плащ взметнулся за ним, как тень крыла. Тишина Чертогов Зеркал сомкнулась за его спиной, но теперь она гудела по-новому — тревожным, незнакомым аккордом. Аккордом, в который вплелась нота далёкого, беззвучного смеха.

Глава 14

День начался с того, что будильник на треснувшем телефоне прозвенел на полчаса позже положенного. Батарея, казалось, тоже поддалась общему настроению развала. Алекс выключила его, уткнувшись лицом в подушку. Ей хотелось зарыться в одеяло и не вылезать, пока не наступит закат, а лучше — никогда.

Но автоматизм, выработанный годами взрослой жизни, оказался сильнее. Ноги сами понесли её в душ. Руки сами приготовили кофе. Сознание же витало где-то далеко, в сияющем лесу, где мох был тёплым и фиолетовым, а воздух звенел магией.

«Нормальность, — приказала она себе, глотая обжигающий напиток. — Сегодня всё должно быть нормально».

На работе её встретили сдержанными кивками и косыми взглядами. Новость о её «нервном срыве» в рождественскую ночь (именно так это подавали Лера и Света) уже разнеслась по офису. Олег, арт-директор, подкатил к её столу с выражением, балансирующим между участием и раздражением.

— Воронова, живая. Слухи дошли, что ты чуть не вызвала экзорциста с друзьями. Всё в порядке?

— Преувеличивают, — Алекс заставила губы растянуться в подобие улыбки. — Просто мигрень и переутомление. Уже прошло.

— Ну, славно. Потому что по «Граням» клиент в восторге от «теплоты», но теперь хочет добавить «лёгкую грусть утраты». Уловишь парадокс? Как грусть, которая согревает. Жду к концу дня.

Он укатил прочь, оставив Алекс смотреть на пустой документ. «Легкая грусть утраты». Если бы он знал. Она взялась за работу, пальцы выстукивали слова, но её мысли были не здесь. Они возвращались к той картинке: тёмное здание, багровый закат. Ей нужно было найти его. Но как? Гуглить «готический замок с серебристыми прожилками»?

В обеденный перерыв она не пошла с коллегой в столовую, сославшись на неотложные дела. Вместо этого она вышла на улицу и, повинувшись необъяснимому импульсу, свернула в сторону старого района с антикварными лавками.

Воздух в первой же лавке пах пылью, воском и временем. За прилавком дремал седой мужчина в очках. Алекс бродила меж стеллажей, заваленных фарфором, старыми книгами и поблёкшим серебром. Её взгляд скользил по зеркалам. Большим, овальным, в золочёных рамах, маленьким, тусклым, потрескавшимся. Ни одно из них не «дышало». Ни одно не отзывалось тем смутным, ледяным импульсом, что шло от зеркала Светы.

— Ищите что-то конкретное, молодая женщина? — раздался у неё за спиной голос хозяина.

— Зеркала, — ответила Алекс, не оборачиваясь. — Старые. Очень старые. С характером.

— Характером? — старик усмехнулся. — У всех старых вещей есть характер. Одни грустят, другие злятся, третьи просто спят. А вам какое нужно?

— То, которое помнит больше, чем должно, — вырвалось у неё, и она сама испугалась своих слов.

Хозяин лавки подошёл ближе, внимательно посмотрел на неё.

— Вы про мифы? Про порталы? Суеверия юных дев. Зеркала — это просто стекло и амальгама. Они отражают то, что перед ними. Не больше.

— А если отражают то, чего нет? — тихо спросила Алекс.

Старик смолк на мгновение, поправил очки.

— Тогда, возможно, это проблема не зеркала, а смотрящего. Или того, кто стоит у него за спиной.

От его слов по спине у Александры пробежали мурашки. Она поспешно поблагодарила и вышла на улицу, чувствуя на себе его пристальный взгляд.

Она зашла ещё в две лавки, листала потрёпанные книги по символизму и фольклору. Наткнулась на главу о «зеркалах как границах между мирами», о «дверях, которые открываются в ночь на Рождество». Читала про «Скитальцев» — души, застрявшие между реальностями. Каждое слово билось в такт её собственному сердцу, подтверждая кошмар, в котором она оказалась.

«Бежать, — нашептывал рациональный, трусливый внутренний голос. — Всё это можно объяснить. Остаться здесь. Лечиться. Забыть. Всё наладится. Работа, новый телефон, может, даже встретишь нормального парня без пепельных волос и ледяных глаз, который не живёт в другом измерении».

Она представила себе эту жизнь. Возвращение в офис завтра, послезавтра. Вечные правки от Олега. Свидания с кем-то приятным и пустым. Всю жизнь оглядываться на каждое блестящее зеркало, боясь увидеть в нём серую пустоту или, что хуже, его взгляд. Вечно жить с этой трещиной внутри, с этим знанием, что где-то там, за границей реальности, он мог погибнуть, защищая её, а она даже не попыталась найти.

«Встретиться, — отвечал другой голос, тихий, но неумолимый. Тот самый, что заставил её протянуть руку к зеркалу. — Он ждёт. Он в опасности из-за тебя. И ты сама в опасности. Это не фантазия. Это твоя война, уже начавшаяся. Ты можешь отсидеться в окопе или пойти в бой».

Она зашла в маленький сквер, села на холодную лавочку. День был серым, бессолнечным. Люди спешили по своим делам, не подозревая, что среди них идёт девушка, решающая, переступить ли ей за грань всего известного.

В кармане завибрировал телефон. Лера.

— Алё, птичка, как ты? Выползла на работу, героиня?

— Да, — голос Александры звучал хрипло. — Всё нормально.

— Не ври, я слышу. Света всё рассказала. Ночной сеанс связи, да? Алекс, ты точно понимаешь, что делаешь? Это же... Это что-то из области жёсткой фантастики.

— Я знаю. И я не понимаю. Но я должна попробовать.

На том конце провода вздохнули.

— Ладно, сумасшедшая. Значит, так. Мы с Светой сегодня у тебя. В восемь. Будем готовить к походу в другой мир, боже. Что вообще берут с собой в такие путешествия? Сменные носки? Святая вода?

Алекс рассеянно улыбнулась.

— Пауэрбанк, наверное, бесполезен.

— Всё берём. И пирог. В путь-дорогу надо с сытым желудком. Держись, Алекс. Мы с тобой.

Разговор с подругой придал ей призрачной твёрдости. Она поднялась с лавочки и пошла к офису, чтобы доработать день. По дороге её взгляд упал на витрину ювелирного магазина, того самого, для которого она писала текст. На чёрном бархате лежало кольцо с алмазом, и под ним была её же, сегодня утром написанная строчка: «Место, где хранится свет, переживший тьму».

Она остановилась, глядя на своё бледное отражение в стекле витрины, наложенное на сияние камня. И в этот миг ей показалось — нет, она почти увидела — как в глубине алмаза, в игре граней, мелькнул не отблеск уличного фонаря, а далёкий, багровый свет заката над острыми шпилями.

Судьба не спрашивала. Она стучала. Тихо, но настойчиво — в трещину на экране телефона, в матовую глубь старого зеркала, в самое сердце. И Алекс понимала, что, если она сей-

час не откроет дверь, этот стук будет преследовать её всю оставшуюся жизнь, превратив её в призрак в собственном, безопасном, бесцветном мире.

Алекс вошла в офис, села за компьютер и одним движением закрыла документ с текстом про «грусть-тепло». Открыла новый. И начала писать письма. Первое — родителям, которые жили в другом городе. О любви, о благодарности, о том, что у неё «внезапная командировка, связь может пропасть». Второе — Лере и Свете, более подробное. О том, что она их любит. Что, если она не вернётся, не надо её искать. Что спасибо за всё.

Третье письмо она начала, но не закончила. Оно было адресовано ему. Эриану. Она хотела написать «Я иду», но поняла, что он и так это знает. Она стерла строки и просто положила перед собой на стол маленькое, гнущееся зеркальце из антикварной лавки — первое, что нашла. Оно ничего не отражало, кроме потолка. Но оно было её молчаливым обещанием.

За окном день неумолимо клонился к вечеру. Багровый отблеск уже лёг на крыши домов. Предрассветные трещины в её реальности сходились в одну точку — точку невозврата наступающего заката. Выбора, по сути, уже не было. Была только дорога вперёд — сквозь зеркало, навстречу судьбе, отлитой в лед и сталь его глаз.

Глава 15

Вечерние тени сгущались, вытягиваясь из-под заборов и превращая знакомый двор в чёрно-белую гравюру. В руке Алекс сжимала ключи от квартиры — не своей, а Лериной. Вторая рука бессознательно тянулась к плечу, проверяя лямку рюкзака. Он казался неправдоподобно лёгким для веса целой жизни, оставленной позади.

Она обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на свой подъезд. В окне её кухни горел свет — она нарочно оставила его включённым. Обманчивый знак жизни. Как и письма, аккуратно запечатанные в конверты и положенные в верхний ящик комода.

Рюкзак был сборной солянкой рациональности и отчаяния. Рациональность: мультитул, компактный фонарик, пачка пластырей, бинт, таблетки от головной боли, пауэрбанк с проводом (абсурд, но она не могла заставить себя не взять), шоколад и батончики. Отчаяние: маленькая фотография родителей и подруг, сделанная прошлым летом; потрёпанный томик стихов, который она любила; тот самый свитер с оленем-оборотнем — тёплый, хоть и дырявый кусок дома. И нож. Обычный складной туристический нож. Против магии, тварей и пустоты. Смерхотворное оружие. Но он давал иллюзию контроля.

Подойдя к Лериной двери, она на мгновение застыла. За ней был запах пирога, смех подруг, тёплый свет — последний островок нормальности. Стоило переступить порог — и назад пути не будет. Она глубоко вдохнула, вбирая в себя запах подъезда: пыль, краска, чей-то суп. Запах её мира.

Дверь открыла Света. Её лицо было серьёзным, без обычной улыбки.

— Заходи. Мы готовы.

В гостиной пахло корицей и свежесваренным чаем. На столе дымился яблочный пирог. Лера, нарушая все траурные ожидания, была в смешном фартуке с надписью «Кухонная фея». Но глаза у обеих были красными.

— Ну что, путешественница во времени и пространстве, — попыталась шутить Лера, но голос дрогнул. — Рюкзак проверила? Паспорт в зеркальное царство не забыла?

— Паспорт — это моя обаятельная улыбка, — отозвалась Алекс, стараясь, чтобы и её голос не подвёл. Она сняла рюкзак, поставила у ног. — Спасибо. За всё.

Больше говорить было нечего. Они ели пирог почти молча, лишь обмениваясь краткими, ничего не значащими фразами о вкусе теста. Каждый кусок казался Алекс прощальным. Она ловила взгляды на знакомых вещах — потёртом диване, рисунке на холодильнике, трещинке на потолке — и мысленно прощалась. С этим миром чайников, дедлайнов, троллейбусов и первых свиданий. С миром, где боль можно было объяснить, а чудес не существовало.

Когда за окном небо начало окрашиваться в густой, предзакатный сиреневый цвет, Света молча встала и принесла свёрток. Чёрный бархат развернулся с шелестом, открывая резную деревянную раму и матовое стекло, которое в последние сутки стало центром её вселенной. Она установила его так, чтобы оно оказалось напротив большого напольного зеркала в комнате.

— Пора, — просто сказала Лера, и её голос наконец сорвался. Она обняла Алекс так крепко, что захрустели рёбра. — Возвращайся, поняла? Хоть раз в год, на пирог. Или пошли открытку. Странную.

— Постараюсь, — прошептала Алекс, чувствуя, как по щеке скатывается предательская капля.

Света обняла её следом, более сдержанно, но не менее сильно.

— Будь осторожна. Доверяй интуиции. И, если тот твой ледяной граф окажется козлом, ты знаешь, как бить в пах даже в платье другой эпохи.

Алекс рассмеялась сквозь слёзы и кивнула.

Они установили зеркало на столе, напротив большого окна, в которое уже вползала багровая полоска заката. Света зажгла три свечи — «для устойчивости триангуляции», как она, стараясь быть серьёзной, объяснила. Выключила свет.

Комната погрузилась в полумрак, нарушаемый только трепещущим пламенем и зловещим заревом за окном. Алекс встала перед зеркалом. Её отражение было смутным, растворённым в темноте. Она надела рюкзак, почувствовав его непривычную тяжесть на спине.

— Что нужно делать? — тихо спросила она, не отрывая взгляда от матовой глади.

— Сосредоточься на том образе, что он послал. На том месте. На нём. И шагни, — сказала Света. — Мы будем держать пространство.

Алекс закрыла глаза. Она не думала о письмах, о невыполненной работе, о треснувшем телефоне. Она думала о тёмном камне с серебристыми прожилками. О шпильях, черневших на фоне кровавого неба. И о глазах. Ледяных, ясных, полных ожидания и немой мольбы.

Она открыла глаза. В зеркале больше не было отражения комнаты. Матовая поверхность стала похожа на плёнку мыльного пузыря, за которой колыхался иной воздух, иной свет. Она увидела контуры — те самые, из послания. Площадь. Здание. И силуэт у его подножия. Высокий, прямой, одинокий.

Он ждал.

Алекс сделала глубокий, последний в этом мире вдох. Запахло воском, яблоками, домом.

— Прощайте, — прошептала она, не зная, кому адресованы слова — подругам, родителям или всей своей прошлой жизни.

И шагнула вперёд. Не к зеркалу. В зеркало.

Первым ощущением было не падение, а сопротивление. Словно она пыталась пройти сквозь стену из плотного, холодного желе. Каждая клетка тела кричала от давления. Боль, острая и всеобъемлющая, пронзила её, выворачивая суставы, сжимая лёгкие. Она не могла крикнуть. Не могла дышать.

Потом стена прорвалась.

Её вырвало в водоворот света и цвета, не имеющих названий в её мире. Здесь не было верха и низа, не было тела — только сознание, растянутое в нить и бешено вращающееся в калейдоскопе чистой энергии. Звук обрушился на неё — гул, в котором сливались голоса эпох, звон разбивающихся миров, шепот звёзд и рёв бездны. Это было прекрасно и ужасающе. Это было слишком.

Её разум, не выдерживая перегрузки, начал отключаться. Последней мыслью было не о страхе, а о странном сожалении, что она не доела тот кусок пирога.

И затем — удар. Не о твёрдую поверхность, а о нечто упругое, податливое, но остановившее падение с жестокой внезапностью. Воздух ворвался в лёгкие — холодный, с незнакомым, терпким вкусом. Она лежала на чём-то мягком, фиолетовом и мерцающем, и над ней плыл, переливаясь, купол из светящихся листьев.

Но она не видела этого. Мир плясал перед глазами, расплываясь в тумане то ли слёз, то ли боли. Сквозь гул в ушах и тошноту, поднимающуюся к горлу, она слышала не звук, а тишину. Настороженную, звенящую.

И шаги. Твёрдые, быстрые, приближающиеся по мягкой земле.

Прежде чем она смогла поднять голову или сфокусировать взгляд, над ней перекрыл светящийся купол чей-то силуэт. Высокий. В плаще.

Холодные, сильные пальцы вцепились ей в плечи, поднимая, поворачивая. И она увидела его лицо. Вплотную. Без дымки зеркала, без искажений сна. Реальное. Мраморно-бледное, с резкой линией скулы, по которой скользил отблеск чужого света. И глаза. Те самые. Серые, как сталь перед боем. В них бушевал ураган эмоций: шок, ярость, облегчение, бешеная, неистовая тревога.

Он что-то сказал. Его губы двигались. Но Алекс не слышала ничего, кроме звона в ушах. Она попыталась пошевелиться, и мир накренился. Тьма, гостеприимная и безмятежная, снова потянулась к ней, чтобы забрать.

Последнее, что она ощутила, прежде чем сознание поглотила волна, был не звук его голоса, а жёсткость его рук, подхватывающих её на руки, и стремительный ритм его шагов, уносящих её прочь с поляны. В безопасное место. Или из одной опасности — в другую.

Глава 16

Алекс тряхнула головой. Все вокруг поплыло, а иллюзия развеялась, растворяя в дымке желанное видение. Вместо этого перед ней открылась совершенно другая картина.

Она лежала на боку, скрючившись, и несколько секунд просто не могла дышать, ощущая, как по рёбрам растекается горячая волна боли. Она не в лесу.

Сознание, замученное переходом, медленно цеплялось за реальность. Пол под ней был холодным, гладким и твёрдым. Из носа щекочущей струйкой текла кровь. Она моргнула, пытаясь разглядеть что-то сквозь пелену в глазах.

Сначала — свет. Не тёплое сияние листьев, а холодные, призрачные столбы, падающие откуда-то сверху. Они выхватывали из темноты детали: огромные, покрытые паутиной трещин плиты пола из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня. Стены, уходящие ввысь, теряясь в темноте, тоже были чёрными, но пронизанными тончайшими серебристыми прожилками, которые слабо светились изнутри, как застывшие молнии. Кругом. Она лежала в центре круглого зала — ротонды. Над ней зиял купол, но не из листьев, а из такого же тёмного стекла или камня, сквозь который едва просачивался тусклый свет двух лун.

Тишина. Не живое, дышащее безмолвие леса, а гробовая, давящая тишина заброшенного места. Воздух пах пылью, озоном и чем-то металлическим, холодным — совсем не как в том сияющем лесу.

Паника, острая и слепая, вцепилась ей в горло. Где он? Где Эриан? Он ждал её на площади, у подножия здания! А она провалилась куда-то в подземелье. Ошибка. Сбой. Её вырвало не в ту точку.

Она попыталась встать, опираясь на дрожащие руки. Рюкзак тянул её назад. Стук её движения, скрежет подошвы по камню, её собственное прерывистое дыхание — всё это казалось кощунственно громким в этой абсолютной тишине.

И тогда она их услышала. Вернее, не услышала, а почувствовала.

Лёгкая вибрация в камне под ладонями. Почти неслышный шелест ткани. Ритмичный, идеально синхронизированный стук подошв о пол.

Александра замерла, медленно поднимая голову.

Из тёмного арочного проема, ведущего вглубь здания, вышли двое. Не Эриан.

Они были высокими, одетыми в плотную, матово-чёрную униформу без каких-либо опознавательных знаков. Но больше всего поражали маски. Не шлемы, а именно маски, выточенные из тёмного, почти чёрного дерева или кости. Гладкие, без единой щели для глаз или рта, лишь с едва намеченными скулами и лбом. Они были абсолютно безликими, отстранёнными, и от них веяло такой леденящей безличностью, что кровь в жилах у Александры застыла.

Стражи. Безмолвные, как сама эта ротонда.

Они шли прямо на неё, их движения были плавными, лишёнными суеты, но неумолимыми, как ход часового механизма. Расстояние между ними сокращалось.

Алекс отползла назад, ударившись спиной о холодную стену. Бежать? Куда? Она метнула взгляд по сторонам — кроме того проёма, из которого вышли они, других выходов не было. Только высокие, узкие окна-бойницы, начинающиеся в двух метрах от пола.

— Стойте! — вырвалось у неё, голос сорвался на хрип. — Я... Меня ждёт Эриан де Лартерс Арвинд! Я Скиталица!

Стражи не отреагировали. Ни единым жестом, ни наклоном головы. Они просто подошли, встали по обе стороны от неё. Один слегка наклонился, его маска оказалась в сантиметрах от её лица. Алекс увидела в полированной поверхности слабое, искажённое отражение собственного испуганного лица.

Сильная, но не грубая рука в чёрной перчатке взяла её за локоть, помогая встать. Второй страж снял с неё рюкзак быстрым, эффективным движением, даже не давая ей опомниться.

— Отдайте! — попыталась она вырваться, но его хватка была как из стали. — Это мои вещи!

Её не слушали. Один страж, держа её за локоть, мягко, но неуклонно направил к арке. Второй шёл следом с рюкзаком.

Их молчание было хуже любых угроз. Оно лишало её точки опоры, возможности договориться, объяснить. Она была не человеком для них, а объектом. Аномалией, которую нужно доставить.

Они вывели её из ротонды в коридор. Он был таким же: чёрные стены с серебристыми прожилками, высокий потолок, потерянный в темноте. Пол был устлан плотным, глушащим шаги ковром тёмно-серого цвета. Коридор был не прямым — он изгибался, разветвлялся, и стражи без колебаний выбирали путь. Лабиринт. Чертоги Зеркал действительно были лабиринтом.

Они прошли мимо нескольких закрытых дверей из тёмного дерева, мимо ниш, в которых стояли не статуи. Зеркала. Большие, в тяжёлых рамах, но затянутые плотной чёрной тканью. Алекс мельком заметила край незакрытого зеркала — его поверхность была не прозрачной, а мутно-перламутровой, и в глубине что-то медленно двигалось, как в аквариуме. От него веяло таким же холодком, как от зеркала Светы, но в тысячу раз сильнее. Её кожа покрылась мурашками.

Ни души. Ни звука. Только их шаги, её собственное прерывистое дыхание и гул в ушах.

Они поднялись по широкой лестнице, также устланной ковром. Свет становился чуть ярче — источником были не свечи и не факелы, а сферические светильники из того же молочно-белого камня, что и прожилки в стенах. Они висели в воздухе без видимой поддержки, излучая холодный, рассеянный свет.

Чем дальше они шли, тем более «живым» становилось место. В воздухе появился слабый запах воска, старой бумаги, сушёных трав. На стенах стали попадаться гобелены, изображавшие какие-то сложные, геометрические узоры, и портреты — суровые лица людей с высокими скулами и светлыми глазами. Аристократы. Предки Эриана?

Наконец, они остановились перед дверью. Не такой монументальной, как другие, но всё же внушительной. Страж, ведущий Алекс, толкнул её, и она бесшумно отворилась.

Комната. Не камера. Просторный кабинет или гостиная с высоким потолком. Здесь было теплее. На стенах — книжные шкафы, забитые фолиантами в кожаных переплётах. Большой письменный стол из тёмного дерева. Кожаные кресла. Камин, в котором, однако, не горел огонь. И огромное, во всю стену, окно, выходящее на площадь. Ту самую. С багровым закатом, который уже почти погас, оставляя лишь багровую полосу на горизонте за острыми шпилями соседних зданий. Она была там, где и должна была быть. В самом сердце Чертогов.

Стражи мягко втолкнули её внутрь. Тот, что нёс рюкзак, поставил его у стены. Затем они вышли, и дверь так же бесшумно закрылась за ними. Не было щелчка замка. Но Алекс была уверена — открыть её изнутри она не сможет.

Она осталась одна. Сотрясаемая от холода, боли в боку и нарастающей истерики. Алекс подбежала к окну, прижалась ладонями к холодному стеклу. Там, внизу, на пустынной площади, освещённой теперь лишь призрачным светом лун, не было ни души.

Эриана не было.

Он ждал. А она опоздала. И угодила прямиком в лапы его безмолвных, безликих слуг.

Алекс отшатнулась от окна, оглядывая комнату. Ничего знакомого. Ничего утешительного. Только книги, холодный камин и давящая тишина. Она медленно сползла на пол, прильнув к стене под окном, и обхватила колени руками. Рюкзак с её жалкими пожитками лежал в трёх метрах, как насмешка.

Закат кончился. Наступила ночь в другом мире. И первое, что она в нём узнала, — это абсолютное, беспомощное одиночество.

Глава 17

Время в запертой комнате растянулось в липкую, бесформенную массу. Алекс то вскакивала и начинала бесцельно метаться, пробуя дверь (она не поддавалась), то снова сползала на пол под окном. Острая паника сменилась глухим, изматывающим оцепенением. Она смотрела, как за окном две луны — одна крупная и серебристо-белая, другая меньшая, с зеленоватым отливом — медленно плыли по чужому небу, отбрасывая призрачный свет на пустынную площадь.

Он не пришёл.

Возможно, он и был тем силуэтом на площади. Возможно, увидев, что её выбросило не туда, он... Что? Разочаровался? Счел её неудачницей, неспособной даже правильно пройти через портал? Или его задержало что-то более важное?

Мысли путались, сливаясь с остатками боли от падения и ломотой во всём теле от стресса. Она уже почти начала дремать, сидя на полу, когда дверь наконец открылась.

Вошел не он. Вошли трое. Двое всё тех же безмолвных стражей в масках по бокам, а между ними пожилой мужчина в длинном одеянии из темно-серой ткани, расшитой по горловине и манжетам тонким серебряным узором. У него было длинное, серьёзное лицо, седые волосы, собранные в строгий пучок, и пронзительные глаза цвета старого льда. Он осмотрел её с ног до головы, и его взгляд, лишённый всякого любопытства или сочувствия, был похож на взгляд учёного, рассматривающего новый, возможно, ядовитый образец.

— Встаньте, — сказал он. Голос был сухим, без интонаций, как скрип пергамента. — Вас требует Хранитель.

Алекс поднялась, опираясь на стену. Ноги были ватными.

— Где... Где Эриан?

Мужчина даже не нахмурился. Имя, произнесённое ею, казалось, не произвело на него ни малейшего впечатления.

— Лорд Хранитель ожидает вас в Обсерватории. Следуйте.

Её снова взяли под локти и повели. На этот раз путь был короче. Они поднялись по ещё одной лестнице, прошли через галерею, на стенах которой висели не портреты, а карты — не земли, а каких-то странных, переплетающихся линий и светящихся точек, напоминавших звёздные скопления или схемы энергетических потоков.

Дверь в конце галереи была круглой, из чёрного металла, украшенного чеканным узором в виде спиралей. Стражи остановились. Старик толкнул дверь, и она отворилась внутрь без звука.

Обсерватория.

Комната была круглой и огромной. Купол, который она видела снизу в ротонде, здесь был изнутри — он состоял из панелей того же тёмного стекла, сквозь которые лился холодный свет двух лун. Но не это захватывало дух. По окружности комнаты, в специальных нишах, стояли семь огромных зеркал в массивных, лишённых украшений рамах из чёрного камня. Их поверхности не отражали комнату. Каждое показывало разные, меняющиеся изображения: в одном клубился туман, в другом плыли облака над горными пиками, в третьем мерцали звёзды в чёрной бездне. От них исходило едва слышное гудение, сливавшееся в низкий, постоянный гул.

В центре зала, спиной к ним, стоял Эриан.

Он был одет не в походный плащ, а в строгий, тёмно-синий кафтан, перехваченный в талии широким поясом с той же брошью в виде птичьих лап. Его пепельные волосы были гладко зачётаны назад. Он смотрел в одно из зеркал, где переливались цвета, похожие на северное сияние.

Рядом с ним, полукругом, стояли ещё пять человек. Трое мужчин и две женщины, все в похожих на одежду старика строгих, но богато отделанных одеждах. Их лица были масками вежливого, ледяного интереса. Совет Хранителей.

Алекс замерла на пороге, чувствуя себя голым зверем, приведённым на суд. Все взгляды устремились на неё. Все, кроме его. Он продолжал смотреть в зеркало.

Старик, который привёл её, сделал шаг вперёд и склонил голову.

— Лорд Хранитель. Члены Совета. Доставлен объект, самоидентифицирующийся как «Скиталица». Прибыл через Западный портал, сектор семь, с минимальными энергетическими аномалиями на входе.

Только тогда Эриан медленно обернулся.

Их взгляды встретились впервые в этой реальности, без искажений стекла или сновидений. Алекс жадно искала в его глазах хоть искру узнавания, вспышку того огня, что она видела в лесу или при мимолётном контакте через зеркало. Но там не было ничего. Только плоская, бездонная стена ледяной воды. Он смотрел на неё так, как смотрел бы на неисправный механизм. Без эмоций. Без приветствия.

— Благодарю, архивариус Теодор, — произнёс Эриан. Его голос звучал ровно, чётко, без следа той хрипоты или напряжения, которое она слышала мысленно. Он говорил на её языке, но с лёгким, чуждым акцентом, делающим каждое слово отточенным и холодным. — Совет заслушает первоначальный доклад.

Он сделал лёгкий жест рукой в её сторону.

— Это — аномалия, проявившаяся в Запретном зеркале в ночь зимнего солнцестояния. Объект обладает признаками разумной жизни, схожей с человеческой, но демонстрирует полное отсутствие магической грамотности и подвержен сильным эмоциональным всплескам. Представляет собой потенциальный риск как источник непредсказуемых резонансов в зеркальной сети.

Алекс почувствовала, как кровь отливает от лица, а затем приливает обратно, обжигая щёки. «Объект». «Аномалия». «Риск».

— Подождите, — её собственный голос прозвучал хрипло, срываясь. — Я не «объект». Я Александра. Я пришла, потому что вы... Вы показали мне, как! Вы сказали ждать заката!

Эриан, наконец, перевёл на неё полный взгляд. В его глазах мелькнуло что-то — раздражение? Предупреждение?

— «Александра», — повторил он, и ее имя прозвучало чуждо и отстранённо. — Твоё появление было зафиксировано. Обстоятельства требуют изучения. Ты будешь отвечать на вопросы.

Одна из женщин Совета, с тонкими, поджатыми губами, сделала шаг вперёд.

— Объект заявляет о сознательном переходе. По какой методологии? Кто на твоей стороне открыл портал?

— Я... Зеркало, — растерянно сказала Алекс. — Старое зеркало. Моя подруга, Света, купила его на рынке. Мы гадали.

В зале повисло молчание. Потом один из мужчин, коренастый, с седой бородой, фыркнул.

— Гадали. В ночь солнцестояния. Наивность граничит с преступной халатностью. Ты понимаешь, что могла разорвать завесу не в точке входа, а в точке разлома?

— Я ничего не понимаю! — голос Александры сорвался, в нём прозвучала отчаянная нота. — Меня выдернули оттуда! Я увидела его, а потом эту серую пустоту! Он спас меня! А потом прислал образ! Я думала... Я думала, вы в опасности. Что вы ждёте помощи.

— «Он», — медленно произнесла другая женщина, пожилая, с лицом, испещрённым морщинами, но острым, как у хищной птицы, взглядом. — Ты утверждаешь, что лорд Хранитель вступил с тобой в контакт? Лично?

Алекс посмотрела прямо на Эриана.

— Да. Он сказал: «Найди меня».

В его глазах что-то дрогнуло. Словно тончайшая трещина на ледяной глади. Но голос остался прежним.

— Запретные зеркала иногда проецируют случайные образы и фрагменты мыслей. Это известный феномен. Ты могла неправильно интерпретировать защитный импульс системы.

Её словно окатили ледяной водой. Он отрицал. Отказывался от их связи, от своего собственного призыва.

— Неправда, — прошептала она. — Ты смотрел прямо на меня. Ты ждал на площади.

— Объект демонстрирует признаки параноидальной проекции, — сухо констатировал Эриан, обращаясь к Совету, как будто её больше не было в комнате. — Требуется период изоляции и наблюдения для оценки стабильности её ментального поля и потенциальной угрозы для целостности Чертогов.

— Я не объект! — крикнула Алекс, и её голос эхом отозвался под куполом. Она вырвалась из оцепенения, сделала шаг вперёд. Стражи у дверей напряглись, но Эриан едва заметно мотнул головой, останавливая их. — Я человек! Я пришла сюда, рискуя всем! Меня чуть не съела ваша «серая пустота»! А теперь вы пытаетесь сделать из меня... из меня вещь для изучения? Я требую, чтобы вы отправили меня обратно! Немедленно!

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением зеркал. Члены Совета переглядывались. Эриан же смотрел на неё, и теперь в его взгляде, сквозь лёд, проглядывало что-то иное. Не сочувствие. Нетерпение. Или расчёт?

— «Требуешь», — тихо повторил он. — У тебя нет полномочий что-либо требовать. Ты нарушитель. Непрошенный гость в мире, законы которого тебе неведомы. Твоё возвращение, если оно вообще возможно, — вопрос времени, изучения и, прежде всего, решения Совета. До тех пор ты останешься под стражей. Для твоей же безопасности и нашей.

Архивариус Теодор кивнул.

— Помещение подготовлено. Защитные руны нанесены. Никакой магический или эмоциональный всплеск не пройдёт наружу.

Эриан снова отвернулся к зеркалу с северным сиянием, демонстративно заканчивая аудиенцию.

— На этом всё. Отведите её.

Сильные руки вновь сомкнулись на её локтях. Алекс не сопротивлялась. Вся ярость, весь страх ушли, оставив лишь ледяную пустоту и унижение. Её протащили мимо него, и в последний миг, когда она была уже у двери, он всё же бросил на неё взгляд. Быстрый, острый. И в нём, сквозь маску холодного чиновника, она на секунду увидела то самое выражение — то самое напряжённое, яростное ожидание из леса. Но оно исчезло так быстро, что она могла решить, что ей это померещилось.

Дверь закрылась, отсекая её от него и от гудящих зеркал Обсерватории. Её снова повели по бесконечным коридорам, вниз, вглубь каменного чрева Чертогов. К её «безопасному» помещению. К клетке.

Он назвал её аномалией. Объектом. Риском.

И худшее было в том, что здесь, в этом мире ледяных зеркал и безликих стражей, она и вправду начинала чувствовать себя именно так. Осколком разбитой реальности, занесённым в чужие владения. Не человеком. Вещью.

Глава 18

Комната, в которую её поместили, не была камерой в классическом смысле. Она напоминала скорее строгую, аскетичную гостевую комнату в монастыре или, что было точнее, в музее, где экспонаты не трогают, но и не выпускают. Стены из того же тёмного камня с серебристыми прожилками, высокий потолок, одинокий светильник, парящий под ним и излучающий холодный, ровный свет. Мебели минимум: узкая кровать с тонким матрасом и серым шерстяным покрывалом, письменный стол со стулом, невысокий комод, дверь в крошечную смежную комнату с умывальником и душем (поразительная современность в этом средневековом антураже). И окно. Большое, высокое, почти от пола до потолка, но забранное снаружи ажурной, но несомненно прочной решёткой из тёмного металла.

Стражи оставили её рюкзак у двери и удалились. Звука щелчка замка не последовало, но, когда Алекс через минуту попробовала открыть дверь, она не поддавалась. Как будто её удерживала сама стена.

Первые полчаса она провела, сидя на кровати, обхватив голову руками, и пытаясь не кричать от бессильной ярости и страха. Её унизили. Её назвали вещью. И тот, кого она считала своей единственной нитью к спасению, той самой путеводной звездой, предал её самым холодным образом, каким только можно предать: публичным отрицанием.

Но постепенно, когда слёзы высохли, а внутренняя дрожь немного утихла, её взгляд снова и снова возвращался к окну.

Окно выходило не на площадь, а на другую сторону Чертогов — на внутренний двор, а за ним — на открытое пространство, холмы и странное, незнакомое небо. Ночь отступала. Сначала одна луна, та, что побольше, скрылась за зубцами дальних башен. Потом и вторая, зеленоватая, потускнела и растаяла в светлеющей дымке.

И тогда взошло первое солнце.

Оно было крупнее земного и светило не жёлтым, а скорее золотисто-медовым светом, заливая пейзаж тёплыми, насыщенными красками. Алекс подошла к окну, вцепившись пальцами в холодный камень подоконника.

Двор внизу был пуст, вымощен тем же чёрным камнем. Но за стенами Чертогов открывался мир. Холмы, покрытые не зеленью, а чем-то вроде серебристо-лилового вереска. Дальние леса, но деревья в них были странных, стрелчатых форм, с листьями, отливающими синим и фиолетовым. И в небе... В небе парили существа. Не птицы. Они были слишком большими, их тела удлинёнными, а движения — плавными, словно они плыли в воздухе, как скаты в океане. Их кожистые крылья отбрасывали на землю огромные, скользящие тени. От них не исходило угрозы. Они были частью пейзажа, таким же естественным, как облака.

И тут Алекс заметила движение ниже, во дворе. Появилась группа людей в простой, практичной одежде земных оттенков. Они несли какие-то ящики, разгружали повозку, запряжённую не лошадью. Существом, похожим на крупного оленя, но с шеей длиннее и рогами, закрученными в спираль. Оно мирно щипало нечто, растущее у стены.

Это была не картинка из книги. Это была жизнь. Чужая, непривычная, но живая. И в этот момент острая паника, сжимавшая её грудь, начала понемногу отступать, уступая место чему-то иному — жгучему, неукротимому любопытству.

Она провела у окна несколько часов, наблюдая, как мир пробуждается. Как тени от двух солнц (второе взошло позже, оно было меньше и холоднее, голубоватого оттенка) ложатся под разными углами, создавая причудливую, двойную игру света. Как по двору прошла женщина в длинном платье, ведя за руку ребёнка с волосами цвета спелой пшеницы. Как те самые летающие существа иногда снижались, чтобы проплыть прямо над башнями, и она видела переливы цвета на их брюхах.

Она была пленницей. Но её тюрьма оказалась окном в целую вселенную.

Внезапный тихий щелчок за спиной заставил её вздрогнуть и обернуться. Дверь была открыта. В проёме стоял архивариус Теодор. Он вошёл, дверь снова бесшумно закрылась за ним. В руках у него была небольшая деревянная доска с прикреплённым к ней листом плотной бумаги и угольный стержень.

— Ты наблюдаешь, — констатировал он, следуя за её взглядом к окну. — Это хорошо. Наблюдение — первый шаг к пониманию.

Он поставил доску на стол и жестом пригласил её сесть. Алекс медленно подошла, села на стул. Теодор остался стоять.

— Лорд Хранитель поручил мне провести первоначальное интервью, — сказал он. — Для каталога аномалий. Ответь честно. От этого зависит твой статус.

«Статус вещи в каталоге», — горько подумала Алекс, но кивнула.

— Твой мир, — начал Теодор, взяв уголь. — Опиши его базовые параметры. Количество светил? Спутников?

— Одно солнце. Одна луна, — ответила Алекс.

Он что-то быстро начертил на бумаге.

— Преобладающая магическая школа? Основа метафизики?

— Магии нет, — сказала Алекс, видя, как его брови поползли вверх. — Во всяком случае, такой, как здесь. У нас наука. Физика, химия.

— Интересно, — пробормотал он, делая пометку. — Мир без осознанной магии. Парадокс. Как вы тогда стабилизируете реальность?

— Она просто есть. Мы её не стабилизируем.

Теодор посмотрел на неё так, будто она сказала, что в её мире люди дышат водой.

— Невозможно. Любая реальность требует каркаса. Или... Или ваш мир мёртв. Статичен. Но ты жива, значит, нет. Продолжай. Политическое устройство?

Алекс попыталась в общих чертах описать страны, правительства, технологии. Каждое её слово вызывало у Теодора новые вопросы, чаще всего недоуменные. Её описание автомобилей он попытался зарисовать как «самодвижущиеся повозки на внутреннем сгорании маны?». Об интернете она даже не стала пытаться говорить.

— А твоё предназначение? Твоя роль? — спросил он наконец, откладывая уголь.

— Я копирайтер. Пишу тексты. Для рекламы.

— Рекламы? — он нахмурился.

— Чтобы люди покупали вещи.

Теодор смотрел на неё несколько секунд, потом с лёгким разочарованием покачал головой.

— Ты не воин. Не жрица. Не учёный-теург. Тымастер по созданию убеждающих слов для избыточного потребления. В мире, лишённом магии. — Он вздохнул. — И именно тебя пророчество называет Скиталицей? Станный выбор сил, стоящих за завесой.

Его слова ударили сильнее, чем холодность Эриана. Потому что в них не было злого умысла, лишь констатация факта. Здесь, в этом мире, она была никем. Неважной, бесполезной. Ошибкой.

— Может, пророчество ошибается, — хрипло сказала она.

— Пророчества не ошибаются, — возразил Теодор, собирая свои вещи. — Они лишь многогранны. И их исполнение редко бывает комфортным для тех, кого они касаются. Отдыхай. Тебе принесут пищу. И старайся не смотреть в зеркала в стене, если они откроются. Для неподготовленного ума это вредно.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — остановила его Алекс. — Что со мной будет? В самом деле?

Теодор обернулся, и в его ледяных глазах мелькнуло что-то, похожее на слабую искру не сочувствия, а профессионального интереса.

— Это решит Совет. На основании данных. Твоих, и тех, что будут поступать от зеркал. Ты — переменная в уравнении, которое мы пытаемся решить уже много лет. Будь умна. Не усложняй. И наблюдай. Мир за окном — лучший учебник для тебя сейчас.

Он вышел, и дверь снова заперлась.

Алекс осталась одна. Слова Теодора жгли: «мастер по созданию убеждающих слов». В её мире это была работа. Здесь — признак пустоты, бессмысленности.

Она снова подошла к окну. Второе, голубое солнце достигло зенита, отбрасывая резкие тени. Одно из летающих существ пролетело так близко, что она на мгновение встретила с его огромным, умным глазом, лишённым век. В нём не было ни дружбы, ни вражды. Было просто присутствие другого сознания.

Она была пленницей, никем, ошибкой. Но она была здесь. В мире с двумя солнцами и летающими скатами. В мире, где её, неудачницу-копирайтера, какое-то древнее пророчество почему-то назвало Скиталицей.

Паника окончательно отступила, оставив после себя странную, щемящую решимость. Хорошо. Если она здесь, значит, так надо. Если они считают её вещью — она станет самой неудобной, самой непредсказуемой вещью в их коллекции. Она будет наблюдать. Учиться. И выяснит, почему Эриан, спасший её в лесу, теперь играет в эту холодную игру. И как ей выбраться из этой красивой, ужасающей тюрьмы обратно домой.

Или, возможно, найти здесь что-то, ради чего стоит остаться.

Глава 19

Следующие дни слились в монотонный поток заточения. Ей приносили еду — простую, но питательную: густые похлёбки, странные, сладковатые корнеплоды, хлеб тёмного цвета с ореховым привкусом, кувшины с чистой, холодной водой. Пищу доставляла пожилая, круглая женщина с добрыми, но осторожными глазами — Мэйра, как она представилась. Она молча ставила поднос, забирала пустой, иногда бросая на Алекс быстрый, оценивающий взгляд, но не заговаривала.

Теодор навещал её ещё дважды, задавая всё более детальные и странные вопросы о её мире: о цикличности природных явлений, о структуре семьи, о том, что люди считают «счастьем». Он делал пометки на своих дощечках, иногда скептически хмыкал, но никогда не комментировал её ответы.

Алекс же наблюдала. Она изучила распорядок дня по движению солнц и активности во дворе. Заметила, что стражи меняются каждые шесть часов (судя по положению светил) и их появление и уход абсолютно бесшумны. Она даже попыталась поскрести ногтем по серебрястой прожилке в стене — она была твёрдой, как сталь, и тёплой на ощупь.

Её главным развлечением оставалось окно. Она видела, как в определённое время по двору проходил отряд стражей уже в другом, более лёгком снаряжении. Видела, как тренировались молодые люди с деревянными мечами. Однажды увидела самого Эриана.

Он шёл по противоположной стороне двора в сопровождении двух советников, быстро и целеустремлённо, его плащ развевался за спиной. Он что-то говорил, его лицо было сосредоточенным, суровым. Он не поднял глаз к её окну, даже не взглянул в эту сторону. Алекс почувствовала укол обиды, за которым последовала вспышка гнева. Он игнорировал её. Как неудобную мебель, которую заперли и забыли.

На третий день дверь открылась не для Мэйры или Теодора. Вошли двое стражей и, без лишних слов, жестом велели ей следовать. Сердце у Александры упало. Совет. Их решение.

Её снова привели в Обсерваторию, но на этот раз там не было полукруга Хранителей. В центре зала, перед самым большим, мерцающим туманными образами зеркалом, стоял только Эриан. Он был один. И снова в своей «рабочей» одежде — тёмный, функциональный кафтан, волосы убраны назад. Он изучал что-то на поверхности зеркала, водил пальцами по воздуху перед ним, и под его прикосновением в глубине стекла расходились круги, как на воде.

— Лорд Хранитель, доставлена, — произнёс один из стражей.

Эриан не обернулся.

— Ждите за дверью.

Стражи склонили головы и вышли. Дверь закрылась. Алекс осталась одна с ним в огромной, гудящей комнате. Она скрестила руки на груди, готовясь к новой порции унижений.

Он закончил свои манипуляции с зеркалом и наконец повернулся к ней. Его лицо было усталым. Тени под глазами были заметнее, чем в день её прибытия. Но взгляд был таким же непроницаемым.

— Совет вынес решение, — сказал он без предисловий. — Ты признана биологическим существом с признаками разума, но несущим в себе нестабильный, чуждый нашей реальности отпечаток. Тебя рассматривают в двух аспектах. Первый: ты можешь быть ключом. — Он сделал паузу, давая словам улечься. — Твоё появление совпало с серией микроразрывов на периферии. Твоё присутствие здесь, в эпицентре сети, может, по мнению некоторых, послужить стабилизирующим якорем или, наоборот, катализатором для их запечатывания. Второй аспект: ты — угроза. Чужеродный элемент, способный привлечь внимание Нетрот прямо к сердцу Чертогов, или, того хуже, непреднамеренно разорвать завесу изнутри.

— И что это значит для меня? — спросила Алекс, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Это значит, — продолжил он, не отрывая от неё ледяного взгляда, — что ты слишком ценна, чтобы держать в общей камере, и слишком опасна, чтобы оставлять без присмотра. Тебя передают под мою личную ответственность. Для изучения. И для контроля.

В его голосе, когда он произносил последние слова, прозвучало что-то — едва уловимое, но знакомое по офисным совещаниям. Раздражение. Глубокое, личное раздражение, как у человека, которому в самый неподходящий момент подкинули ещё одну, совершенно нелепую задачу.

— Твоё дальнейшее пребывание здесь будет регулироваться мной. Ты будешь жить в покоех, смежных с моими. Ты будешь доступна для исследований Теодору и другим уполномоченным. Твои передвижения по Чертогам будут ограничены и сопровождаемы. Ты не будешь пытаться покинуть территорию. Ты не будешь прикасаться к зеркалам без моего явного разрешения. Любое нарушение будет караться полной изоляцией. Вопросы?

Алекс стояла, переваривая информацию. Личная ответственность. Покои рядом с его. Не тюрьма, а золотая клетка. Под самым пристальным, неусыпным взглядом того, кто её туда и заманил, а теперь делал вид, что она не более чем досадная помеха.

— Почему вы? — вырвалось у неё. — Почему именно ваша ответственность?

Тончайшая тень досады скользнула по его лицу.

— Потому что я — Хранитель. И потому что контакт, пусть даже аномальный и отрицаемый официально, был установлен со мной. Считай это кармическим долгом.

Он произнёс это последнее слово с такой язвительной горечью, что Алекс поняла: он ненавидит эту ситуацию не меньше её. Просто по другим причинам.

— Отлично, — сказала она, и в её голосе впервые зазвучали нотки вызова. — Значит, я ваша новая обуза. Поздравляю.

Его глаза сузились. Он, кажется, не ожидал такой реакции.

— Твои вещи уже перенесены. Следуй за мной.

Он развернулся и зашагал к одной из дверей в стене, которая раньше казалась просто частью каменной кладки. Алекс, скрипя зубами, поплелась за ним.

Они прошли через короткий, приватный коридор, освещённый лишь светящимися прожилками в стенах, и оказались у двух дверей, стоящих напротив друг друга. Он указал на левую.

— Твои апартаменты. Мои — напротив. Двери в этот коридор будут заперты с обеих сторон, когда я сочту нужным. Дверь в основные помещения — только с моей стороны. — Он толкнул её дверь, и она открылась.

Комната была больше предыдущей и обставлена с некоторой, хотя и сдержанной, роскошью. Кровать шире, с балдахином из тяжёлой ткани. Ковер на полу. Небольшой камин (холодный). Книжная полка (пустая). Стол. И то же огромное окно, но выходящее уже не на двор, а на ту самую площадь и далёкие холмы. Её рюкзак лежал на столе.

— Мэйра будет приносить тебе еду сюда. Теодор будет навещать по графику. Всё остальное — через меня. Тебе будет предоставлена одежда, подходящая гостю.

— Пленнику, — поправила его Алекс.

Он проигнорировал.

— Сегодня тебя оставят в покое для акклиматизации. Завтра начнутся сеансы с Теодором. И... — он запнулся, как будто слова давались ему с трудом, — постарайся не создавать проблем. Для нас обоих.

Он повернулся, чтобы уйти в свою дверь.

— Эриан. — Он замер, не оборачиваясь. — Вы ждали меня на площади?

Он медленно обернулся. Его лицо было каменной маской.

— Я ждал данные от зеркал о всплеске энергии. Ты была частью этих данных. Не более.

— А в лесу? Когда вы... Когда вы заслонили меня?

На его лице что-то дрогнуло. Словно маска на мгновение сползла, обнажив усталость, боль и ту самую ярость, что она видела тогда.

— В Лесу Отражений действуют иные законы. Инстинкты. Я защищал точку входа в свой мир от вторжения. Это моя работа.

И с этими словами, более жёсткими и окончательными, чем любой приказ, он скрылся за своей дверью. Она услышала тихий, но чёткий щелчок замка.

Алекс осталась стоять посреди своей новой, более комфортабельной тюрьмы. Она подошла к окну. Вид был прекрасен и подавляющ. Она была ближе к нему. Физически. Всего в нескольких метрах, за стеной. Но пропасть между ними стала казаться теперь непреодолимой.

Он считал её обузой. Досадной помехой в своей важной работе. И, возможно, ключом к какой-то загадке. Но не человеком. Не тем, кого он звал.

Она потянулась к рюкзаку, вытащила фотографию. Улыбающиеся лица родителей, Леры, Светы. Другой мир. Простой, понятный, где её неудачи были смешными, а не судьбоносными.

«Хорошо, — подумала она, глядя на запертую дверь в коридор. — Я твоя обуза, лорд Хранитель. Я твой «ключ» и твоя «угроза». Посмотрим, кто кого переутомит первым».

Глава 20

На следующее утро за ней пришёл не Теодор, а сам Эриан. Он постучал (формально, один раз) и вошёл, не дожидаясь ответа. Он был одет проще, в тёмные, удобные брюки и высокий, мягкий кафтан без обилия застёжек, но на нём по-прежнему висела та самая брошь. В руках он держал плоский, полированный камень размером с ладонь, испещрённый тонкими, светящимися изнутри линиями.

— Встань, — сказал он без предисловий. — Первый урок.

— Урок чего? — настороженно спросила Алекс, откладывая книгу по этикету Дейсервида, которую оставил ей Теодор (очевидно, в насмешку).

— Основ. Без понимания фундамента ты будешь ходить здесь как слепой щенок, натываясь на вещи, которые могут тебя убить. Или, что хуже, убить других.

Его тон был ровным, преподавательским, но в нём сквозила та же раздражённая нетерпеливость. Он явно считал это пустой тратой своего драгоценного времени.

Он повёл её не в Обсерваторию, а в маленькую, круглую комнату без окон, смежную с его покоями. Стены здесь были голыми, без серебристых прожилок, и свет исходил от нескольких парящих светящихся сфер. В центре на полу был выложен круг из того же светящегося камня, что он держал в руках.

— Сядь, — указал он на пол внутри круга.

Алекс покорно села, скрестив ноги. Он сел напротив, за пределами круга, положив камень между ними.

— Этот мир, Дейсервид, и твой — не просто разные места. Они сотканы из разной материи. Наш мир живёт и дышит магией, как твой — электромагнитными полями или гравитацией. Это не заклинания и палочки. Это фундаментальная сила. Реальность здесь — не данность. Она — ткань. И её нужно постоянно поддерживать.

Он положил ладонь на камень. Линии на нём вспыхнули ярче, и в воздухе над ними возникло трёхмерное изображение — что-то вроде сферы, обёрнутой в сложное, мерцающее полотно.

— Зеркала в Чертогах — не просто для отражения. Они узлы в этой ткани. Антенны. Стабилизаторы. Они удерживают рисунок, не позволяя ему распуститься. Я — Хранитель. Моя кровь, моя воля связаны с этой сетью. Я чувствую её колебания. Я её дирижёр.

Изображение изменилось. На полотне появились чёрные, пульсирующие разрывы. От них расходились трещины.

— Нетрот, — его голос стал холодным и острым, как лезвие. — Серая пустота, как ты её назвала. Это не существо. Это антиматерия реальности. Голод. Отсутствие. Оно питается не плотью, а смыслом, структурой, самой тканью бытия. Где оно проходит, остаётся не «ничто», а выхолощенная, мёртвая копия, лишённая сути. Оно не думает. Оно просто есть. И пожирает.

Алекс смотрела, замороженная и испуганная. Образ Нетрот вызывал в ней тот же леденящий ужас, что и в лесу.

— И оно становится сильнее?

— Барьеры истончаются, — подтвердил Эриан. — По причинам, которые мы до конца не понимаем. Зеркала перенапряжены. Сеть гудит, как струна перед разрывом. И в эту критическую точку... — он посмотрел прямо на неё, — прилетаешь ты. Со своим миром без магии. Своим иным впечатлением.

— И вы думаете, я как-то связана с этим?

— Думать — привилегия Совета, — отрезал он. — Моя задача — собрать данные. А твоя — помочь. Если хочешь когда-нибудь увидеть свой мир с одним солнцем снова.

Он сменил тему, указывая на стены.

— Всё здесь пронизано потоками силы. Стены Чертогов, пол, даже воздух. Обычный человек их не видит. Маг видит как свечение. Но ты... Теодор записал твои показания. Ты описала «холодок» от зеркала, «вибрацию». Это не зрение. Это что-то иное. Возможно, восприятие разницы в потенциале между твоей реальностью и нашей. Сегодня мы это проверим.

Он поднялся, погасил изображение на камне.

— Встань. Закрой глаза. Не думай. Просто слушай. Не ушами. Кожей. Тем, что у тебя щекочет в затылке, когда смотришь в зеркало.

Алекс встала, неуверенно закрыла глаза. Было тихо. Лишь слабое жужжание светящихся сфер.

— Что я должна услышать?

— Тишину, — сказал он. — Но не пустую. Тишину, в которой есть слои. Как тишина в лесу. В ней есть звук ветра, земли, жизни. Ищи слой стабильности. Гармонии. И слой напряжения. Диссонанса.

Алекс пыталась. Сначала она слышала только биение собственного сердца. Потом — лёгкий шум в ушах. Она чувствовала прохладу воздуха, твёрдость камня под ногами. Но никаких «слоёв».

— У меня не получается, — выдохнула она, разочарованно открывая глаза.

Эриан смотрел на неё с тем же выражением, с каким смотрел на неудачную диаграмму.

— Потому что ты пытаешься «услышать» умом. Расслабься. Перестань пытаться. Просто будь.

Это было безумно сложно. Её ум был переполнен страхом, гневом, вопросами. Расслабиться здесь, перед ним, было все равно что попытаться заснуть на краю пропасти.

Она снова закрыла глаза, сделала глубокий вдох. Сосредоточилась на дыхании. На ощущении тяжести в ступнях. Постепенно внутренний шум начал стихать. И тогда не звук, а ощущение. Словно она стояла в комнате, где играла очень тихая, очень низкая нота. Вибрация. Она исходила отовсюду. От пола, стен, даже от воздуха. Ровная, фундаментальная. Это и была «стабильность».

Но потом, на её фоне, она почувствовала нечто иное. Тонкие, слабые пунктиры. Места, где та ровная нота слегка фальшивила, становилась тоньше, дребезжала. Как трещина в стекле, которую чувствуешь пальцем, а не видишь глазом.

Не осознавая, что делает, она протянула руку в сторону стены, туда, где один из таких «пунктиров» ощущался ярче.

— Здесь, — прошептала она. — Здесь что-то не так. Словно нить ослабла.

Она открыла глаза. Её палец указывал на участок стены, который выглядел абсолютно целым, таким же гладким и монолитным, как и весь остальной камень.

Эриан замер. Всё его раздражение, вся нетерпеливая снисходительность исчезли с его лица. Оно стало сосредоточенным, острым. Он медленно подошёл к тому месту, куда она указывала. Поднял свою руку, не касаясь стены, и провёл ладонью в сантиметре от поверхности. Его глаза сузились.

— Ты уверена? — спросил он тихо, не глядя на неё.

— Я чувствую. Как лёгкий холодок. И вибрация другая. Более жидкая.

Он что-то пробормотал себе под нос на своём языке, и его пальцы совершили в воздухе быстрый, сложный жест. Там, где она указала, на поверхности камня проступил слабый, серебристый узор — сетка линий, и одна из них, действительно, была тоньше и тусклее других, пульсируя неровным светом.

— Слабое место в защитном контуре комнаты, — произнёс он вслух, больше для себя. — Микроразрыв. Его не показывали основные сенсоры. — Он повернулся к ней. Его взгляд был уже не холодным, а оценивающим. Горящим холодным, аналитическим огнём. — Ты обнаружила его без какой-либо настройки, без инструментов. Просто «почувствовала».

Алекс неловко опустила руку, внезапно осознав, что сделала что-то важное.

— Это плохо?

— Это не должно было быть возможным, — сказал он, не отвечая на вопрос. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Не как на обузу или аномалию. А как на незнакомый, но потенциально полезный инструмент. — Теодор был неправ. Ты не просто «мастер слов». В тебе есть восприятие. Глубинное. Отличное от нашего.

Он погасил серебристый узор на стене ещё одним жестом.

— Урок окончен. Возвращайся в свою комнату.

— Но что это значит?

— Это значит, — перебил он её, и в его голосе снова появилась привычная жёсткость, но теперь она была направлена не на неё, а на ситуацию, — что твой статус нужно пересмотреть. И что тебе, Александра, придётся учиться быстрее, чем я планировал. Потому что если ты чувствуешь бреши здесь, в самых защищённых покоях, то что ты почувствуешь, выйдя наружу?

Он вышел из комнаты первым, оставив её одну среди голых стен, на которых только что проступила скрытая угроза. Алекс посмотрела на то место, где был разрыв. Оно снова выглядело целым.

Но она знала правду. И, судя по его реакции, теперь знал и он. Она была не просто ключом или угрозой. Она была диагностом. Человеком, видящим болезнь в самом теле этого мира. И это открытие пугало её куда больше, чем простая злоба или пренебрежение. Потому что теперь у неё появилась ценность. А ценную вещь редко отпускают на свободу.

Глава 21

Через три дня после урока Эриан объявил, что она «достаточно акклиматизировалась», чтобы быть представленной двору. «Представленной» — звучало как «выставленной». Он сказал это с таким видом, словно собирался вести её на казнь, и, возможно, в каком-то смысле так оно и было.

Он велел ей надеть «подобающую одежду», которую прислала Мэйра. Это оказалось платье. Длинное, из простой, но качественной ткани цвета морской волны, с высоким воротом и длинными рукавами. Никаких кринолинов или вычурных украшений, но покрой был явно чужим, не её. Оно сидело на ней странно, подчёркивая её «нездешность». Она чувствовала себя переодетой на детском утреннике.

Эриан ждал её в коридоре. Он был одет в парадный вариант своего кафтана — более тёмного оттенка, с тонкой серебряной вышивкой по вороту и манжетам, символизирующей, как она уже знала из книг Теодора, его статус Хранителя. Он окинул её быстрым, оценивающим взглядом, ничего не сказал и просто кивнул, давая знак следовать.

Они вышли из его приватной части Чертогов в общие залы. Разница была поразительной. Если его покои дышали сдержанной мощью и тишиной, то здесь жизнь была ключом. По высоким, светлым галереям с витражными окнами сновали люди в ярких, дорогих одеждах. Звучали голоса, смех, музыка откуда-то издалека. Воздух был густ от запахов духов, воска и еды.

И все они смотрели. Не сразу, не все сразу, но как только они с Эрианом появлялись в поле зрения, волна внимания накатывала на них. Шёпот бежал впереди них, как рябь по воде. Алекс видела, как мужчины замирали с кубками в руках, как придворные дамы прикрывали лица веерами или просто отворачивались, чтобы не встретиться с её взглядом. Выражения лиц были разными: от откровенного любопытства до брезгливого недоумения и холодного презрения.

— Не смотри им в глаза, — тихо, сквозь зуба, проговорил Эриан, шагая чуть впереди с безупречно прямой спиной. — Не улыбайся. Не пытайся заговорить. Ты здесь как экспонат. Чем меньше ты будешь вести себя как человек, тем лучше.

Его слова лишь усилили жгучую неловкость. Она шла, чувствуя, как платье скребёт кожу, как волосы, собранные в простой узел (как показала Мэйра), выбиваются на шею. Она была пугалом в этом птичнике изысканных павлинов.

Именно тогда они и появились. Группа молодых женщин, остановившаяся у высокого окна. Они были одеты в шелка и бархат пастельных, но дорогих оттенков, их волосы убраны в сложные причёски с жемчугом и тонкими серебряными сетками. В центре круга стояла она.

Леди Сибелла.

Алекс узнала её сразу, хотя никогда не видела, а лишь слышала. Не по портрету, а по тому, как она держалась — с холодной, безмятежной грацией, будто мир вокруг был лишь фоном для её совершенства. Её волосы были цвета бледного меда, заплетены в сложную корону вокруг изящной головы. Черты лица — безупречны, как у фарфоровой куклы. Но глаза... Глаза были светло-кариими, тёплыми, как осенний лист, и столь же безжизненными. Она смотрела на приближающегося Эриана с лёгкой, официальной улыбкой, но её взгляд скользнул по нему и упал на Алекс. И в нём не было ни любопытства, ни презрения. Было лишь спокойное, безразличное изучение. Как будто она рассматривала новую породу собаки, которую её жених притащил с охоты.

Эриан замедлил шаг, его лицо стало ещё более непроницаемым.

— Леди Сибелла, — произнёс он с вежливым, ледяным поклоном.

— Лорд Хранитель, — её голос был мелодичным, точно настроенным инструментом. — Я слышала, ты решил выгулять свою находку. Смело.

Её спутницы прикрыли рты изящными веерами, скрывая усмешки. Алекс почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Александра является объектом изучения Совета, — отчеканил Эриан, не глядя на неё. — Её знакомство с реалиями Дейсервида — часть программы.

— Ах, изучения, — Сибелла кивнула, и её взгляд снова прошёлся по Алекс, на этот раз задерживаясь на простом покрое её платья, на отсутствии украшений. — И как продвигается изучение? Она уже научилась пользоваться вилок? Или хотя бы не пугается собственной тени?

Одна из девушек рядом тихо фыркнула. Алекс сжала кулаки, спрятанные в складках платья. Она знала, что должна молчать. Но это было невыносимо.

— Я научилась кое-чему поважнее, — вдруг прозвучал её собственный голос, ровный и чёткий, как она ни старалась его контролировать. — Например, как отличать крепость стен от показного лоска.

Наступила секунда гробовой тишины. Усмешки замерли на лицах придворных дам. Сибелла медленно подняла бровь. В её тёплых глазах что-то промелькнуло — не гнев, а скорее лёгкое удивление, как если бы попугай вдруг произнёс осмысленную фразу.

Эриан резко повернул к ней голову. В его взгляде бушевала буря: предупреждение, ярость и что-то ещё, что она не смогла распознать.

— Она говорит, — заметила Сибелла, и в её голосе появился оттенок плохо скрываемого интереса. — И даже не лишена колкости. Любопытно. Ты позволяешь ей разговаривать, Эриан?

— Она разговаривает, когда я считаю это необходимым, — сквозь зубы произнёс он, и его рука незаметно, но властно сжала локоть Александры, заставляя её сделать шаг вперёд. — А сейчас это не необходимо. Прошу простить нас, леди Сибелла. У нас есть дела.

Он почти потащил её дальше по галерее, оставив группу женщин позади. Алекс слышала, как снова начался шёпот, на этот раз более оживлённый.

— Ты сошла с ума? — прошипел он ей на ухо, не сбавляя шага. Его пальцы впивались ей в руку. — Ты хочешь, чтобы тебя выставили на посмешище? Или, что хуже, чтобы тебя сочли угрозой, которую нужно изолировать в подземелье, а не в покоях?

— Она начала первой! — огрызнулась Алекс, пытаясь вырвать руку.

— Она — леди Дома Вентис, моя официальная невеста и будущая со-правительница! Ты — ничего! Пыль под её ногами! Твоя единственная задача — быть невидимой и удобной!

Он резко остановился, заставив её споткнуться, и втолкнул её в небольшую, пустую нишу за колонной. Его лицо было так близко, что она видела тонкую сетку морщинок у его глаз от напряжения и тот самый стальной огонь в глубине зрачков.

— Слушай и запомни раз и навсегда: здесь твоё мнение, твои чувства, твоя гордость — не имеют значения. Ты выживешь здесь, только если будешь полезной и незаметной. Поняла?

В её груди всё кипело от обиды, унижения и той самой ревности, которую она боялась признать. Да, Сибелла была красива, совершенна, соответствовала ему, как ключ замку. А она была «пылью», «ничем», нелепым пришельцем в чужом платье.

— Поняла, — выдохнула она, глядя в пол. — Я — удобный немой инструмент. Ясно.

Он отступил, выпустив её руку. На его лице на миг мелькнуло что-то похожее на досаду или усталость, но он тут же взял себя в руки.

— Хорошо. Теперь пойдём. И ради всего святого, больше не открывай рта, если тебя не спрашивают напрямую.

Оставшуюся часть «представления» Алекс провела в оцепенении. Она механически следовала за ним, кивала, когда он представлял её каким-то важным старикам из Совета (они смотрели на неё так, будто она была редким насекомым), и старалась не встречаться ни с чьим взглядом. Но она чувствовала на себе сотни глаз. Слышала обрывки фраз: «...из дру-

гого мира, представляешь?», «...говорят, Хранитель сам вытащил...», «...Сибелла, бедняжка, какой скандал...», «...а вдруг она ведьма?».

Она была зверем в клетке, которого вывели погулять перед знатью. И самым болезненным было осознание, что Эриан, тот самый, чей образ манил её сквозь зеркало, был её тюремщиком и дрессировщиком. И что где-то здесь, в этих стенах, была женщина, имеющая на него все права, которых была лишена она.

Когда они наконец вернулись в тишину его частных покоев, и дверь закрылась, отрезав мир полный насмешек и косых взглядов, Алекс просто прислонилась к стене, чувствуя, как дрожь пробирает всё её тело. Не от страха. От стыда, гнева и пронзительного, щемящего чувства собственной ничтожности.

Эриан снял парадный плащ и бросил его на стул. Он не смотрел на неё.

— Принято неплохо, — произнёс он без эмоций. — Для первого раза. Теперь они будут говорить о тебе. Это неизбежно. Но теперь у них есть образ: дикарка, но смиренная. Это хорошо. Завтра начнутся настоящие уроки. Тебе нужно научиться не только чувствовать разрывы, но и скрывать то, что ты их чувствуешь. Ибо если Сибелла или её сторонники узнают о твоём даре, дела станут гораздо сложнее.

Он ушёл в свою комнату, оставив её одну с горечью на языке и холодом в душе. «Принято неплохо». Как будто это был экзамен, который она сдала. Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле окна. Чужое лицо в чужом платье в чужом мире. Рядом с человеком, для которого она была лишь инструментом и потенциальной проблемой.

И где-то в глубине, под всеми слоями страха и обиды, тлела маленькая, ядовитая искра: а что, если Сибелла права? Что если она здесь действительно всего лишь нелепая случайность, пыль, занесённая ветром между мирами? И этот вопрос пугал её куда больше, чем насмешки всего двора.

Книга участвует в литмобе: Ночь перед Рождеством.

Остальные участники литмоба:

"Хозяйка отеля на перекрестке миров" Рия Вилар https://litnet.com/shrt/SS_a

"Желание для попаданки" Ирина Юрьева <https://litnet.com/shrt/D7u1>

"Серебряная сойка. Между волком и кречетом" Мариш Еровой <https://litnet.com/shrt/BGTM>

"Надежда для князя: переписать судьбу" Натальи Неждановой и Нежданы Дорн <https://litnet.com/shrt/neSs>

"Некроманта в женихи не предлагать!" Полина Миронова <https://litnet.com/shrt/usjN>

"Хозяйка отеля на перекрестке миров" Рия Вилар <https://litnet.com/shrt/wJ6x>

"Суженый по заявке или попаданка для драконьего лорда" Луна Дорель <https://litnet.com/shrt/rA6Y>

"Мой кошмарный роман" Надежда Парицкая <https://litnet.com/shrt/t9bU>

"Хозяйка игрушечной мануфактуры" Фиона Сталь <https://litnet.com/shrt/rFse>

Глава 22

«Настоящие уроки», как оказалось, не имели ничего общего с этикетом или историей. Они происходили не в кабинетах и не в залах, а на границе. Через неделю после злополучного выхода в свет Эриан пришёл к ней на рассвете, когда второе, голубое солнце только начинало окрашивать небо в холодные тона. На нём была не дворцовая одежда, а практичный, тёмный дорожный плащ, высокие сапоги, а на поясе — не церемониальный кинжал, а простой, но грозного вида клинок.

— Идём, — сказал он коротко, бросив ей свёрток. — Надень это. И не задавай вопросов.

В свёртке оказалась одежда, похожая на его: прочные штаны из плотной ткани, туника, тёплая куртка и сапоги, которые, к её удивлению, почти подошли по размеру. Переодевшись, она почувствовала себя немного увереннее — меньше похожей на куклу, больше на человека, готового к действию.

Он повёл её не к главным воротам, а через серию потайных дверей и служебных коридоров в нижней части Чертогов. Они вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.